

Децим Магн Авсоний

М. Л. Гаспаров

Вводное примечание

[с. 278] Перевод выполнен по изданию: D. M. Ausonii Burdigalensis Opuscula / Ed. S. Prete. Leipzig, 1978.

Использовались также прежние издания: Opuscula / Ed. R. Peiper, Leipzig, 1886; Opera / Cur. C. Schenki, Berlin, 1883; Works / Ed. and transl. H. G. Evelyn Wycht, V. I—II, London, 1919—1921; Oeuvres completes / Ed. et trad. E. F. Corpet, V. I—II, Paris, 1842—1843.

История текста стихов Авсония трудно уследима. Он хранил и перечитывал все написанное им (об этом он сам упоминает в прозаическом предисловии к эпицедию «Памяти отца»), а потом издавал отдельными небольшими книжками с предисловиями и посвящениями; некоторые книжки перерабатывались при переизданиях и меняли посвящения (например, стихи при книге Летописи). На основе этого материала он по крайней мере дважды выпустил свои полные собрания сочинений: одно с посвящением Флавию Афранию Сиагрию, другое с посвящением императору Феодосию. Первое было издано, по-видимому, около 380 г., второе — в ответ на письмо самого императора — около 390 г. После смерти Авсония это издание было пополнено стихотворениями последних лет его жизни (например, посланиями к Павлину) и стихотворениями, почему-либо не включенным Авсонием в прижизненный свод. (Так, предисловие в третьем лице к стихотворению «Усадьба» — «После долгих лет при дворе... когда воротился сочинитель к родным местам...» — может быть, принадлежит редактору посмертного издания). Полный свод написанного Авсонием был велик и разнороден, а слава автора, хоть и велика, но не такова, чтобы потомки старались бережно хранить каждое его слово; в руках средневековых переписчиков собрание сочинений Авсония рассыпалось, и ни одна из существующих рукописей не сохранила его полностью.

Среди рукописей, содержащих авсониевские тексты, можно различить две основные группы, во главе которых стоят два сборника, оба хранящиеся в Лейдене: «Тилианский» XV в. и «Фоссианский» IX в. Кроме того, часть рукописей не поддается группировке;

только в них, между прочим, сохранилось самое известное в наше время стихотворение Авсония — «Мозелла». Рукописи обеих групп не только различны по составу, но и дают местами очень существенные расхождения текста. Филологи XIX в. считали, что рукописи «Тилианской» группы восходят к первому собранию сочинений Авсония и что все входящие в них стихотворения написаны не позднее 380 г., а рукописи «Фоссианской» группы — ко второму собранию сочинений Авсония; соответственно текстовые расхождения между двумя группами восходят к различным авторским редакциям самого Авсония. Филологи XX в. предпочитают считать единственной надежной рукописной традицией «Фоссианскую», а отклонения «тилианского» текста объясняют вмешательством позднейших редакторов-переписчиков. Последнего мнения придерживается и С. Прете в своем издании.

Восстановить сколько-нибудь надежно композицию авторских изданий Авсония оказывается невозможно. Каждый издатель конструирует ее на свой лад. Мы тоже попробовали расположить материал в наиболее художественно выразительной последовательности — по большей части сильно не противоречащей рукописной последовательности. [с. 279] Для сравнения перечисляем разделы, составленные Пайпером и Прете в их изданиях. Пайпер располагает их в такой последовательности: Предисловия (к читателю, к Сиагрию, к Феодосию); «Круглый день»; Домашние стихи (включая консульские молитвы и пасхальные стихи); О родных; О преподавателях Бурдигалы; Эпитафии; Эклоги; «Распятый Купидон»; «Биссула»; «Мозелла»; О знаменитых городах; Технопегнии; Действо семи мудрецов; О двенадцати цезарях; Стихи при книге Летописи; Гриф; Свадебный центон; Послания; Эпиграммы; Речь благодарственная. Прете дает группировку более дробную: Предисловия; «Круглый день»; О родных; О преподавателях Бурдигалы; Эпитафии; К внуку, на день рождения; К внуку, об отроческом учении; Консульские молитвы; Пасхальные стихи; Молитва ропалическая; Памяти отца; «Усадьба»; Эклоги; «Распятый Купидон», «Биссула»; «Технопегнии»; Действо семи мудрецов; Гриф; Центон; «Мозелла»; О знаменитых городах; О двенадцати цезарях; Стихи при книге Летописи; Речь благодарственная; Послания; Эпиграммы; «К рабу-сорописцу» (включено Пайпером в «Круглый день»).

В состав собрания сочинений Авсония обычно входят также «Содержание книг Илиады и Одиссеи»: начальная строка каждой книги по-гречески, потом перевод ее латинским стихом, потом прозаическое изложение содержания. Современными филологами эти тексты считаются не принадлежащими Авсонию, а самостоятельного художественного интереса они не представляют, поэтому они оставлены без перевода. До изданий Шенкля и Пайпера авсониевский корпус изобиловал и другими ошибочно приписывавшимися Авсонию стихотворениями (преимущественно эпиграммами); они тоже оставлены без перевода.

Важнейшие даты жизни и творчества Авсония вынесены в хронологическую таблицу, географические названия — на карту. Следует помнить, что для областей и городов греческой культуры Авсоний охотно употребляет и параллельные (обычно архаические)

формы названий: Беотия у него называется также Аонией и Огигией, Аттика — Актеей и Кекропией, Сицилия — Сиканией и Тринакрией, Этолия — Плевронией, Коринф — Эфирой, Олимпия — Писой. Такими же синонимами (обычно — описательными, по отцу или по царству) называет Авсоний и мифических героев: Геркулес у него — Алкид, Агамемнон и Менелай — Атриды, Патрокл — Акторид, Улисс — «дулихиец», Елена — «лаконянка», а под именем Эакида могут иметься в виду и внук Эака Ахилл (Пелид) и Аянт, и сын Ахилла Неоптолем (Пирр). Особенно много синонимических имен у богов (из культовой практики и из различных отождествлений): таковы Диана — Латония — Кинфия — Луна — Геката; Аполлон — Феб — Делий — Дельфийский бог; Вакх — Дионис — Бромий — Лизей — Либер; Венера — Киприда — Киферея — Диона; Марс — Маворс — Градив; Минерва — Паллада — Тритония; Меркурий — Киллений — Аркадянин; Вулкан — Мультцибер. Широкое употребление такой синонимии — характерная черта авсониевского риторического стиля.

Полное собрание сочинений Авсония появляется на русском языке впервые. До сих пор наиболее полным изданием была подборка в книге «Поздняя латинская поэзия», М., 1982; там же — переводы из других поэтов той же эпохи, интересных для сравнения с Авсонием. В дополнениях к основному корпусу помещены образцы прежних переводов из Авсония — известных В. Брюсова и неизвестных Б. Ярхо, а также автобиографическая поэма внука Авсония, Павлина из Пеллы, тоже интересная для сравнения со стихами Авсония.

РАСПЯТЫЙ КУПИДОН

Текст приводится по изданию: Авсоний. Стихотворения

Адресат этой маленькой поэмы ("сын" — любезное обращение старшего к младшему, не более) — видимо, Григорий Прокул, которому посвящены первая часть эпиграмм и "Стихи при книге "Летопись"" (см. примеч. к ним), сочинитель речей для Грациана и корреспондент Симмаха.

На тему этого стихотворения сохранилась (приблизительно от того же времени) лаконичная 11-стишная эпиграмма Модестина в "Латинской антологии" VI в. (№ 273 по Ризе).

Авсоний Григорию, сыну своему, привет.

Видел ли ты когда-нибудь миф, написанный на стене¹? Конечно, видел и помнишь. Такая картина нарисована в Треверах, в триклинии Эола²: там изображено, как женщины, жертвы любви, распинают на кресте Купидона. То женщины не нашего времени, когда грешат по доброй воле, но героических дней женщины, которые хотят себя оправдать и наказывают бога, те самые, часть которых перечисляет наш Марон³, описывая Поля Скорби. Эта картина своим замыслом и своим исполнением вызвала мой восторг. Но от оцепенения восторга перешел я к безумию стихослагательства. Мне самому в моей эклоге⁴ нравится только заглавие; все же вручаю тебе мой грех. Мы любим пятна на своем теле и свои шрамы и, не довольствуясь тем, что согрешили по своей слабости, стараемся, чтобы другие полюбили наши грехи. Впрочем, зачем я так старательно защищаю эту эклогу? Я уверен, что ты полюбишь все, о чем только узнаешь, что это — мое. На эту любовь я надеюсь более, чем на твои похвалы. Будь здоров и люби своего отца.

В тех воздушных полях, помянутых Музой Марона,
Миртовый где оттеняет лес влюбленных безумных,
Преданы страсти своей героиды, и каждая явно
Символ той смерти хранит, от которой когда-то погибла.
5 Бродят они по великому лесу, при свете неверном,
Посреди тростниковых стволов, меж маков тяжелых,
У безмолвных, недвижных озер и ручьев без журчанья.
[Никнут там на берегах цветы](#) в туманном сиянье,
Юношей и царей с именами, оплаканных древле:
10 Эбала сын [Гиацинт](#), [Нарцисс](#), в себя же влюбленный,
Златоголовый [Крок](#), разубранный в пурпур [Адонис](#),
Саламинский [Аякс](#), на коем стон скорби написан.
Неутешные образы слез и любви злополучной,
Давнюю скорбь приводя и после смерти на память,
15 Снова к годам, миновавшим давно, героид возвращают.
Плачет, лишённая сына, [Семела](#) о молнийных родах
И, колыбели спаленной тень в пустоте раздирая,
Воображаемых молний зыблет бессильное пламя.
Дар напрасный кляня, мужским счастливая видом,
20 Плачет [Ценида](#), что вновь свой прежний лик воспрियाла.
Рану сушит [Прокрида](#), кровавую руку [Цефала](#),
Ей сражена, лаская. Дымную лампу из глины
Дева несёт, что с башни фракийской [кинулась в море](#).
И с туманной Левкаты готова низринуться [Сапфо](#),
25 [\[Дева-мужчина, кого погубили лесбийские стрелы.\]](#)
С грустным лицом [Эрифила Гармонии](#) дар отвергает,
Несчастливая мать, злополучная столь же супруга!
Вся миносская басня воздушного Крита, подобно
Некой картине, дрожит во образах легких и тонких:
30 За белоснежным быком идет по следам [Пасифая](#);
Милым покинута, держит клубок в руке [Ариадна](#);
Взор безнадежно склоняет к дощечкам отвергнутым
[Федра](#).
Петлю несёт одна; другая — подобье короны;
Стыдно, что в недрах скрывалась коровы Дедала, третьей.
35 Сетует [Лаодамия](#) о двух ночах, что мелькнули,
В радостях недовершенных, с живым и с мертвым
супругом.
Дики, с другой стороны, — в руке клинок обнаженный, —
[Канака](#) нас ужасает, [Элисса Сидонская](#), [Фисба](#):
Эта — с мечом отца, та — гостя и третья — супруга!

40 Здесь и сама, что когда-то хранила Эндимиона
Сон на [латмийских утесах](#), — с факелом и в звездоносной
Диадеме своей. Луна двурогая бродит.
Сотни других, лелея давнишних страстей своих раны,
Муки свои оживляют в жалобах нежных и горьких.

45 Вдруг посредине них, [крылами стуча](#), рассекает
Неосторожный Амур подземного сумрака тени.
Мальчика все признали, воспоминаньем постигнув
Общего в нем врага. Хоть влажные сумерки кроют
Пояс его, на котором золотые блистают застёжки,

50 И колчан, и огни горящего факела, — все же
Узнан он, и спешат обрушить бесплодную ярость
Женщины. Враг одинок, в чужих застигнут владеньях,
Утомленный полет сквозь сумрак плотный стремится он;
Те же, как туча собравшись, теснят. Он тщетной защиты

55 Ищет, дрожа, но его в середину толпы увлекают.
В скорбном лесу они выбирают мирт знаменитый,
Ненавистный за мщенье богов (здесь когда-то Адонис,
Верный Венере, был распят отвергнутой им Прозерпиной)
И на высоком стволе они утверждают Амура,

60 [Руки ему за спиною связав](#) и ноги опутав
Узами: как он ни плачет, нет облегчения пытке!
Без преступленья Амур обвинен, осужден без суда он.
Хочется каждой себя оправдать, чтоб было возможно
Преступленья свои ей сделать виною другого.

65 Все, его укоряя, подьемлют изведанной смерти
Символы; это — оружие их, это — сладкое мщенье:
Тем за скорбь отомстить, от чего и сами погибли!
Держит та петлю; клинка та призрачный облик возносит;
Та указывает пустой поток и обрывистый берег,

70 Ужас неистовых волн и волненью чуждое море;
Пламенем те угрожают и яростно факелы зыблют,
Что трещат без огня; разрывает [Мирра](#) утробу,
Что переполнена блестками слез, и в дрожащего бога
Мечет янтарь самоцветный слезоточивого древа.

75 Многие, в виде прощенья, хотят одного: насмеяться,
И под концом острия их тонкой иглы выступает
Нежная кровь, из которой выросла роза; другие
Светочей дерзкое пламя к стыдливости бога подносят.
Мать, благая Венера, сама повинная в тех же

- 80 Преступлениях, входит в это смятение беспечно
И, не спеша оказать поддержку теснимому сыну,
Страх его удвоет, злыми наветами новых
Подстрекая Эриний. Ставит в вину она сыну
[Собственный свой позор](#): что тайные сети супруга,
85 Поймана с Марсом, терпела она; что постыдные члены
Форму смешную дают Геллеспонта сыну [Приапу](#);
Что безжалостен [Эрикс](#); что [Гермафродит](#) — полудева.
Не довольствуясь речью, бьет золотая Венера
Мальчика связкою роз, — тот, страшась горшего, плачет.
90 Бога избитое тело росой окропилось пурпурной
От непрерывных ударов связанных роз, что и прежде
Алыми были, но ярче покрылись багровою краской.
Тут остыл неистовый пыл, и, видя, что кара
Больше вины, Венера себя считает виновной.
95 Героиды вступаются сами; теперь уж согласна
Каждая гибель свою приписать судьбине жестокой.
Благодарит их добрая мать за то, что забыли
Скорби свои, отпустив ребенку прощенные вины.
Образы ночи порой в таких виденьях тревожат
100 Ложными страхами сон беспокойный. От призраков этих
Освобожден, изведавший ночью немало страданий,
В час, когда сумраки сна редуют. Амур улетает
И через [дверь из слоновой кости](#) возносится к вышним.
-

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. ...*миф, написанный на стене?* — По другому чтению, просто "картину, написанную на стене". [\[назад\]](#)
2. *Триклиний Эола* — столовая комната, названная так по стоявшей в ней статуе. [\[назад\]](#)
3. *Наш Марон* — Вергилий, "Энеида", VI. ("Поля Скорби" — выражение из ст. 441, так же как далее "воздушные поля" — ст. 887, и многие другие вергилианские реминисценции). [\[назад\]](#)
4. О слове *эклога* см. примеч. к "Книге эклог". [\[назад\]](#)
- 8-12. *Никнут цветы...* — Перечисляются обращенные в одноименные цветы *Гиацинт* и

Нарцисс, ставший шафраном *Крок*, анемоном (или розою) *Адонис*; а из крови *Аякса* вырос цветок с красными пятнами в виде букв "ай" (ср. "Эпитафии", 3). [\[назад\]](#)

16-39, 72. Перечисляются героини мифов (Брюсов на латинский лад пишет "героиды"): *Семела*, мать *Диониса*, пожелавшая увидеть *Юпитера* в его божеском виде и сгоревшая от его молнии; *Ценида* (Кенида), обращенная в неуязвимого юношу *Ценея* (см. "Эпиграммы", 76 и примеч.); *Прокрида*, нечаянно убитая на охоте своим мужем *Цефалом*; *Геро* (...дева... что... кинулась в море), бросившаяся в Геллеспонт, когда утонул пливший к ней *Леандр*; *Сапфо*, бросившаяся (по легенде) с "Белой скалы" (*Левкаты*) от несчастной любви к *Фаону*; *Эрифилла*, погубившая мужа, прельстясь ожерельем древней царицы *Гармонии*, и за это убитая сыном; *Пасифая*, жена *Миноса*, влюбленная в быка (см. "Эпиграммы", 70, 73 и примеч.), и дочери ее *Ариадна*, с помощью нити выведшая *Тесея* из лабиринта, потом брошенная им, но взятая *Вакхом* и увенчанная звездной короной, и *Федра*, повесившаяся, когда ее любовное письмо (*дощечки*) отверг *Ипполит*; *Лаодамия*, новобрачная жена *Протесилая*, павшего под *Троей* и на одну ночь отпущенного к ней из *Аида*; кровосмесительница *Канака*, заколовшаяся по приказу отца своего *Эола*, *Элисса* (*Дидона*) — от горя по уехавшему гостю *Энею*, *Фисба* — от отчаяния при мнимой гибели мужа ее *Пирама*; *Мирра*, мать *Адониса*, была превращена в дерево, приносящее *мирру*. [\[назад\]](#)

25. Стих отсутствует в рукописях и условно вставлен *Уголетом* в XVI в. (из *Горация*, "Послания", 1, 19, 28). [\[назад\]](#)

41. ...на *Латмийских утесах*... — Гора *Латм* в *Карий* была местом любви *Дианы* и *Эндимиона*. [\[назад\]](#)

45. ... крылами стуча... — Реминисценция из "Энеиды", I, 397. [\[назад\]](#)

60. Руки ему за спиною связав... — "Простое" распятие заключалось в том, что жертву привязывали к столбу, "сложное" — в том, что распростирали на кресте. Здесь — "простое" распятие. Об *Адонисе* см. примеч. к эпиграмме 62. [\[назад\]](#)

84-87. Собственный свой позор... — *Венера* указывает, как пришлось страдать от любви ей самой (ср. "Гриф", 27, примеч.) и ее детям — вечно возбужденному *Приапу*, женственному *Гермафродиту*, павшему от *Геркулеса* разбойнику *Эриксу*. [\[назад\]](#)

103. ...дверь из слоновой кости... — *Вергилий*, "Энеида", VI, 898 (ср. выше, "Круглый день", 8). [\[назад\]](#)

ГРИФ О ЧИСЛЕ ТРИ

Слово "гриф" означает "загадку", преимущественно как застольную потеху. Стихотворение было написано Авсонием в германском походе 368 г., а посвящено Симмаху, крупнейшему оратору и деятелю сенатской языческой оппозиции, уже много позже.

Авсоний — Симмаху.

Лежала среди моих безделок одна убогая вещица, там бы ей и лежать, и не мне бы ее ловить, как мышь в ловушку¹. Но я, как тот Евклионов петух², извлек ее из бумажного праха, отряс, перечел и решил, как жадный ростовщик, даже и худую монету лучше в рост пустить, чем в горшке хранить. А потом, подумавши не по-катулловски —

Кому дать мою чистенькую книжку³?

—

а по-другому, не красивее, но правдивее:

Кому дать недочищенную книжку?

—

долго думать мне не пришлось: тут и повстречал я тебя, которого и сам бы выбрал из всех, будь на то моя воля. Вот я и посылаю тебе этот пустяк, "сицилийской пустячнее кошелки"⁴, чтобы ты, когда нечего делать, прочитал его и от нечего делать оправдал его. Наконец-то эта вздорная, мною хоть и таимая, но по рукам ходившая книжка достигнет и до тебя; а уж ты или, как Эскулап, возродишь⁵ ее к жизни, или, как Платон с помощью Вулкана, избавишь ее от бесславия, коли не дано ей славы.

Повод у безделушки этой был таков. В походе — а в походе, ты знаешь, и воину бывает передышка, — было у меня застолье, и было на нем предложено пить не на греческий лад, как у Рубрия, а так, как описано Флакком⁶ в стихах, где он говорит и о полуночи, и о новой луне, и о Мурене-хозяине, и о трижды трех чашах для поэта. Вот на этом месте о числе три и почувствовал я знакомый стихотворный зуд, а так как он заразителен, то хорошо бы, кабы он и на тебя перекинулся, чтобы краски твоих исправлений вписались в картину моих стихов, как та губка⁷, которая для художника довершила недовершенное изображение взмыленного коня. Я и еще похвастаюсь: начал я эти стихи за полдником, а кончил перед ужином, то есть писал их от питья и до питья; сообразуй же свой суд и с предметом, и с обстановкою. Читай их, когда сам будешь благодушен и навеселе: а то ведь нехорошо о нетрезвом поэте судить трезвому читателю.

Я не удивлюсь, если найдется у нашей шутки и такой читатель, въедливый и хмурый, который будет недоволен, что сказал я далеко не все, что можно было сказать о девятках и тройках. Я согласен, что это истина, но не согласен, что это правда. Если он хороший критик, то сам поймет: все, чего здесь нет, я не забыл, а опустил; а если нет — то пусть подумает, сколько бы на моем месте он сам растерял, отыскивая. Пусть он знает, что я нарочно иногда мало брал неизвестного и слишком много брал известного. Ах, сколько троек, отлично мне знакомых, оставил я в стороне! три времени и три лица, три рода и три степени сравнения, девять стихотворных стоп⁸ и триметрический стих, всю грамматику и музыку, все медицинские книги, Трижды Величайшего Гермеса, первого на свете любомудра, Варроновы "Числа"⁹ и все, чего не знает пошлый люд. А когда мой критик соберет все, что знает, пусть сравнит (невелик труд!) себя со мной, деловитого с досужим, трезвого с хмельным, шутки и забавы мои со своим зловредным усердием. Ясно, один соберет больше, другой меньше, а всего не соберет никто!

Если, наконец, скажет кто-нибудь, что я здесь слишком темен, то скажи в оправданье мое вот что: во-первых, такие стихотворные упражнения иначе как темными и быть не могут; во-вторых, числа — не камыш¹⁰, без узлов не бывают; а в-третьих, если мне удастся оказаться темным даже для тебя, все знающего и все понимающего, то этим я и буду счастлив, ибо добыюсь, чего хотел: ты меня вспомнишь, обо мне поскучаешь, обо мне подумаешь. Будь же здоров!

[Пей или три или трижды три: в том вящая тайна!](#)

Так указывает обычай: кто пьет или три, или втрое,

Девять раз повтори нечетные тройки до куба.

Сила в девятке и тройке одна, [и все ей покорно:](#)

5 Облик зародыша в чреве, рождение зрелого плода,
Длительность жизни людской — в ней девять девятилетий.
Трое у Опы сынов, три дочери следом за ними —
Веста, Церера, Юнона, одна рождена за другою.
Держит Юпитер трехжальный перун, а Нептун — троезубец;
10 Цербер трехглав; из тройного яйца родились Тиндариды.
Трижды Несторов век обновлялся пурпурною пряжей;
Втрое против него живет свои сроки ворона;
Если бы даже она трижды девять жила поколений,
Все же ее пережил бы олень на четвертые девять.
15 Ворон, вещун Аполлонов, живет олени три века;
В девять раз превосходит его индийская птица —
Та, что сияет челом, в киннамонном гнезде восседая.
Три существа у Гекаты, три лика у девы Дианы.
Три Хариты, три Парки, три голоса, три элемента;
20 Три Сирены в земле треугольной, три части у каждой:
Дева на треть, и птица на треть, и богиня на треть же.
Трижды три сестры, состоялись с Сиренами Музы:
Ртом, дыханьем, рукой — на струне, на флейте и в песне.
Три Пунийских войны; три суть в философии части;
25 По три месяца длятся четыре времени года;
Трижды сменяется стража в ночи; три раза Авроре
Песню поет запоздалый клевет плененного Марса.
Тот, кого мать зачала в утроенном сумраке ночи,
Трижды четыре трофея воздвиг для урочной добычи.
30 Девять лирных певцов по числу дочерей Мнемозины:
Некогда только троих держала рука Аполлона —
Втрое против того Киферон изваял их из меди,
Верный заветам отцов, шестерых не желая обидеть.
Трижды справлялись богам по три ночи Тарентские игры;
35 Фивы в трехлетие раз чтят дважды рожденного Вакха;
Трижды в порядке тройном сражались впервые фракийцы,
В жертву себя принося над прахом отца Юниадов.
Та, что в брачный чертог завлекала тройною загадкой, —
"Кто бывает двуногим, трехногим и четвероногим?" —
40 Сфинкс, аонийцев гроза, была птицею, львом, человеком:
Крыльями птица, лапами зверь и женщина ликом.
Три божества на Тарпейской скале сияют во храме.
Трех родов ремесло созидает жильё человеку:
Этот стену кладет из камней, тот крышу возводит,

- 45 Третий стены и кров покрывает последней отделкой.
[Вакхов отселе сосуд, отселе медимн сицилийский](#):
Этот на три, тот на дважды три разлагается части.
Три родовых начала вещей: бог, материя, форма, —
Первый родитель, вторая рождает, третья родится.
- 50 Делятся по сторонам треугольничи на три разряда:
Равносторонний — один, другой — равнобедренный, третий —
Разносторонний. [Три части](#) числу придают совершенство.
Трижды тройной состав разрешается трижды трояко.
В трех впервые найдешь и нечет, и чет, и средину —
- 55 [Ту средину, что, став на изломе числа, разрывает](#)
Троек сплошную чреду, довершая куб из квадрата,
И, отделив по краям единицы от средней триады,
Три образует четных числа: четверку, шестерку
С дважды четверкой, и общей для всех серединою служит.
- 60 [Трижды четыре доски](#) освятили право тройное:
Частное право, священный закон и общий обычай.
[Три интердикта гласят о владенье](#): "Откуда исторгнут
Силой" — один, "Где бы ни был" — другой, и "Каких достояний".
[Три к свободе пути и три есть лишенья свободы](#).
- 65 Слог красноречья тройной: возвышенный, скромный и третий,
Тканый из нитей простых. Как три медицинские школы
(Им же дают имена эмпирия, логос и метод)
Учат здоровье хранить, болезнь отвращать и лечиться, —
- 70 Так у ораторов [три есть школы](#): одна, где владычит,
Став над Родосом, колосс; другая в приморских Афинах;
Третью к судейской скамье низвела с театральных подмостков
Азия, в прозе речей подражая хорическим ритмам.
Суша, вода и огонь составляют Орфеев [треножник](#).
- 75 Три есть признака звезд: положение, дальность и яркость.
В музыке [лад тройной](#), и трояко ее проявление:
Слышится в слове, таится в звездах и зрится на сцене.
Всадники, плебс и сенат — три сословия в Марсовом Риме;
[Имя отсюда и триб](#) и с горы Священной трибунов.
- 80 Всадники делятся на [три полка](#); [три имени](#) носит
Знать; [три тона](#) у струн; [три дня](#) у месяца главных.
Был Герион трехтелым; тройным был облик [Химеры](#);
Сцилла из трех состояла пород: псица, дева и рыба;
Три Горгоны-сестры, три Гарпии, три Евмениды,

- 85 Три вещуньи-Сивиллы, носившие общее имя,
Чьи роковые реченья в трех записаны книгах,
В книгах, [трижды пяти мужей](#) попеченьем хранимых.
Трижды пей! В этом все! Три ипостаси в Боге едином!
Пусть же безделка моя бессильных чуждается чисел:
- 90 Трижды тридцать стихов составят в ней девять десятков.
-

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. *...как мышь в ловушку.* — Реминисценция из Теренция, "Евнух", 1024. [\[назад\]](#)
2. *Евклионов петух* — из Плавта, "Горшок", 465 сл., где бедняк, зарывши клад, боится, что петух, роясь в земле, его отроет. [\[назад\]](#)
3. *Кому дать мою чистенькую книжку?* — Цитата из Катулла, I, 1 (ср. "Эклоги", посвящение 1). [\[назад\]](#)
4. *...сицилийской пустячнее кошелки...* — Поговорочное выражение (упоминается в словаре Феста). [\[назад\]](#)
5. *...как Эскулап, возродишь... или, как Платон...* — Эскулап возродил к жизни убитого понесшего конями Ипполита, а Платон с молитвою богу огня сжег свои юношеские трагедии, когда послушал речи Сократа и обратился к философии. [\[назад\]](#)
6. *...пить не на греческий лад... а так, как описано Флакком...* — Питье на греческий лад, т. е. с избранным начальником пира, назначающим меру и порядок питья, у Рубрия, приспешника известного Верреса, упоминается у Цицерона, "Против Верреса", II, 1, 26, 66. Описано Флакком — Гораций, "Оды", III, 19, 9-17: "Девять чаш или три с теплой смешай водой: // Тот, кто любит нечетных Муз, // Тот, как буйный поэт, требует девять влить, // А тремя ограничиться // Миролюбцам велят три неразлучные // Обнаженные Грации..." (ср. "Круглый день", 5, о числе застольников). [\[назад\]](#)
7. *...как та губка...* — Анекдот (Плиний, "Естественная история", XXXV, 102-104) о художнике Протогене (или Неалке): он писал взмыленного коня, пена не получалась, он в отчаянии бросил в картину губкой и неожиданно получил нужный эффект. [\[назад\]](#)
8. *...девять... стоп...* — Ямб, трохей, дактиль, анапест, хориямб, антиспаст, два ионика и пеон; триметрический стих — трехчленный (6-стопный) ямб. [\[назад\]](#)

9. *Трижды Величайший Гермес* (и далее) — божество египетского культа, под именем которого ходило много религиозно-мистической ("герметической") литературы; *первый на свете любомудр* (буквальный смысл слова "философ", им впервые употребленного) — Пифагор с его учением о числах; *Варроновы "Числа"* — один из несохранившихся трактатов этого энциклопедиста. [\[назад\]](#)

10. *...числа не камыш...* — Перефразированная латинская пословица "На камыше узла искать" о бессмысленном труде. [\[назад\]](#)

1-3. *Пей или три или трижды три... // Девять раз повтори...* — Кому мало трех или девяти Горациевых чаш (говорит Авсоний), тот должен пить 27 чаш. [\[назад\]](#)

4-6. *Сила в девятке и тройке...* — на третьем месяце младенец в чреве принимает человеческий облик, на девятом — рождается (ср. "Эклоги", 8). 81 год сроком человеческой жизни будто бы считал Платон (Цензорин, 14-15). [\[назад\]](#)

7-10. *Трое у Опы сынов... //... из тройного яйца родились Тиндариды.* — Сыны Опы и Сатурна — Юпитер, Нептун и Плутон. О яйце Леды, жены Тиндара, см. примеч. к эпиграмме 66. [\[назад\]](#)

11-17. Нестор жил 3 человеческие жизни (*пурпурная пряжа* Парок означает счастливую жизнь), *ворона* — 9, *олень* — 36, *ворон* — 108, *феникс* (индийская птица) — 927 поколений (ср. выше: "О сроке жизни всего живого"). Впрочем, феникс чаще считался "аравийской птицей" (так — в поэме IV в. "птица Феникс", приписывавшейся христианскому писателю Лактанцию). [\[назад\]](#)

18. *Три существа у Гекаты...* — Цитата из "Энеиды", IV, 511 (предсмертные жертвоприношения Дидоны). [\[назад\]](#)

19. *...три голоса* — высокий, средний и низкий, *три элемента* — неизвестно, какие из четырех стихий имеются здесь в виду (ср. ниже 74?). [\[назад\]](#)

20-22. *три сирены в земле треугольной...* — Треугольная земля (Тринакрия) — Сицилия, сирены — Парфенона, Лигия, Левкозия. О состязании Муз с Сиренами рассказывает Павсаний, IX, 34, 2. [\[назад\]](#)

24. *Части философии* — физика, этика и диалектика. [\[назад\]](#)

27. *...клевет...* *Марса.* — Алектрион должен был возвестить Марсу о восхождении зари, но не сделал этого, и взошедшее Солнце застигло Марса с Венерою; Алектрион за

нерадивость был обращен в петуха, поэтому петух и встречает зарю криками. [\[назад\]](#)

28. ...кого мать зачала в утроенном сумраке ночи... — Чтобы зачать Геркулеса, совершителя 12 подвигов, Зевс приказал солнцу не всходить в течение трех дней. [\[назад\]](#)

30-32. *Девять лирных певцов* (по александрийскому канону)... — Пиндар, Симонид, Вакхилид, Стесихор, Ивик, Алкман, Анакреонт, Алкей, Сапфо. Первоначально чтились (будто бы) только три Музы (*дочери Мнемозины*) — Мелета, Мнема и Аэда (прилежание, память и песнь): они были изображены в руке Аполлона на делосской статуе (пс.-Плутарх, "О музыке", 14). Потом жители одной беотийской деревни (*Киферон* — хребет между Беотией и Аттикой) заказали статуи этой тройни трем скульпторам, чтобы выбрать лучшую, но все оказались одинаково хороши, и тогда освящены были все девять, а новые имена им нарек поэт Гесиод (Варрон у Августина, "О Христовом учении", II, 27; ср. Павсаний, IX, 29, 2). [\[назад\]](#)

34-37. ...*Тарентские игры*... — Перечисляются "столетние" (Тарентские) празднества, справлявшиеся в Риме только три раза, пока их не возобновил в 17 г. до н. э. Август; Никтелийские празднества в честь Вакха; и первые гладиаторские игры (с 3 выходами 3 пар бойцов), устроенные в Риме в 265 г. до н. э. сыновьями консула Юния Брута в память отца. [\[назад\]](#)

38. *Та, что в брачный чертог завлекала тройною загадкой*... — Иокаста, обещана была в жены разрешителю загадки Сфинкса в беотийских (аонийских) Фивах. [\[назад\]](#)

42-43. *Три божества* на римском Капитолии — Юпитер, Юнона и Минерва. *Трех родов ремесло* — каменщика, кровельщика, плотника. [\[назад\]](#)

46. *Вакхов... сосуд... медимн сицилийский*... — Вакхов квадрантал вмещал три меры вина, медимн сицилийский — шесть мер зерна. [\[назад\]](#)

52. *Три части*... — Начало, середина и конец. [\[назад\]](#)

55-59. ...*ту средину, что... разрывает*... — Если представить девятку в виде ряда точек: — и затем среднюю точку изъять из общего счета, принимая ее только за отметку середины, то эта середина будет делить пополам три четных числа (не считая двойки) — 4, 6 и 8, — средняя тройка разрушится, а квадратное число 9 превратится в кубическое число 8. [\[назад\]](#)

60. *Трижды четыре доски*... — Законы 12 таблиц. [\[назад\]](#)

61-63. *Три интердикта гласят о владенье...* — Речь идет о законах о возмещении утраченного, о сохранении имеемого и о приобретении нового имущества. [\[назад\]](#)

64. *Три к свободе пути...* — Свобода по рождению, по отпущению и по завещанию; *три... лишенья свободы* — лишение гражданства, личной свободы и жизни. [\[назад\]](#)

70. *...у ораторов три... школы...* — Аттицизм, азианство и промежуточная родосская школа. [\[назад\]](#)

74. *...треножник.* — По-видимому, символическая фигура или название сочинения, приписываемого Орфею. [\[назад\]](#)

76. *...лад тройной...* — лады дорийский, фригийский и лидийский; ритмы речи, пляски и "музыки сфер". [\[назад\]](#)

79. Трибунат был учрежден в результате выселения плебеев на *Священную гору* в 494 г. до н. э. О *трибах* (этимологически — "треть" римского народа) см. "Речь благодарственная", 13 и 42, с примеч. [\[назад\]](#)

80-81. *...три полка...* — Рамны, тиции и луцеры; *три имени* — преномен, номен и когномен, напр. Гай Юлий Цезарь; *три тона* — высокий, средний и низкий; *три дня* — календы, ноны и иды. [\[назад\]](#)

82. *Химера* — "передом лев и задом дракон и коза серединой". [\[назад\]](#)

87. *...трижды пяти мужей...* — Коллегия квиндецимвиров (трижды пять мужей), хранившая в Риме Сивиллины пророчества. [\[назад\]](#)

ЭПИТАФИИ ГЕРОЯМ, ПАВШИМ В ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЕ

Из предисловия Авсония видно, что этот цикл был издан поэтом как приложение к книге эпитафий "О профессорах Бурдигалы" — вскоре после 385 г. Но, конечно, они могли быть написаны и раньше. Греческим источником Авсония, упоминаемым в предисловии, было сочинение мифологического содержания "Покров", приписывавшееся Аристотелю: там среди пересказа мифов о Троянской войне приводились и эпитафии героев, типично школьного происхождения. Выборка этих греческих эпиграмм сохранилась; в ней есть близкие совпадения с эпитафиями Авсония (1-7, 10-11), но Авсоний, как правило, удлиняет и расширяет свои образцы.

Авсоний — читателю своему.

К книжке моей, написанной в память наставников, которые, родом из чужих земель, преподавали в Бурдигале или, родом из Бурдигалы, преподавали в чужих землях, я почел за благо присовокупить эпитафии (то есть надгробные надписи) героям, павшим в Троянской войне: сочиненьице хоть и праздное, но не чужеродное. Старинные эти стихотворения нашел я у одного словесника и переложил на латинский язык, однако не рабски следуя порядку подлинника, а дозволяя себе и вольности, но отнюдь не уклоняясь от цели.

1. АГАМЕМНОНУ

Царь царей Атрид, отмститель братней супруги,
Сам я низвергнут к теням дланью супруги своей.
Надобно ль было войну воевать за измену Елены,
Если наградою — смерть от Клитемнестриных рук?

[\[комментарий\]](#)

2. МЕНЕЛАЮ

Счастлив ты, царь Менелай, которого божия воля
В божью сень приняла на Элисейских полях, —
Зять Тиндарея и зять Громовержца, обоим любезный,
Брачной верности страж, мститель за поправленный брак,
Там обрел ты вечную жизнь и вечную юность,
За благочестную жизнь смерти и старости чужд.

[\[комментарий\]](#)

3. АЯНТУ

Этот Аянтов курган сокрыл меня, тщетную Доблесть,
Над погребеньем своим много излившую слез,
Много терзавшую кудри и грудь, потому что Атриды
Правде моей предпочли злоисхищенную кознь.
Ныне из крови его процветает цветок обагренный,
Вечно потомкам глася весть о неправом суде.

[\[комментарий\]](#)

4. АХИЛЛУ

Мало Ахиллу одной гробницы: Ахилловы кости
Принял Сигейский берег, в Ларисе сожглись его кудри,
Часть его праха (в азийском) гробу, а другая — (в
заморском),
(Но воскресил его вещий Гомер) для целого мира.

[\[комментарий\]](#)

5. УЛИССУ

В этой могиле сокрыт Улисс, рожденный Лаэртом:
Кто "Одиссею" читал, тот не безвестен о нем.

6. ДИОМЕДУ

Сильного сын отца, но сам гораздо сильнейший,
Здесь погребен Диомед, за жену покинувший Аргос.
Он на чужой стороне основал Аргириппу и Арпы,
Славой их большую славу стяжав, чем в прежней отчизне.

[\[комментарий\]](#)

7. АНТИЛОХУ

Славный в совете и славный в бою (что редко совместно),
Всеми хвалимый как муж и как почтительный сын,
Милый Атриду-царю и милый Пелиду-герою,
Нестора спасший отца, здесь я лежу, Антилох.
Пусть нарушен черед: достойней спасения старец,
Ибо нельзя без него эллинам взять Илион.

[\[комментарий\]](#)

8. НЕСТОРУ

В этой могиле сокрыт на четвертом веку человечьем
Нестор, чья сладкая речь мудрый давала совет:
Тот, за которого пал, приняв добровольную участь,
Сын, спасая отца, смертью даря ему жизнь.
Ах, зачем Судьба такие отмерила сроки:
Слишком долгий — мне, слишком короткий — ему?

9. ПИРРУ

Пирр, я отроком был, но царские добыл доспехи;
Отчею славой велик, в малой ограде лежу,
Ибо меня, убив свою мать и грехом обуянный,
У алтаря погубил низким коварством Орест.

[\[комментарий\]](#)

10. ЕВРИАЛУ

Был я не меньше других в Плевронском царском уделе,
Власть делили со мной и Диомед, и Сфенел;
Третью царства владев, я ныне довольствуюсь малым —
Мой покоится прах под невысоким холмом.

[\[комментарий\]](#)

11. ГУНЕЮ

В море — Гуней, на гробнице — его бестелесное имя,
В небо взлетела душа, слава — у всех на устах.
Все четыре стихии — приют великому мужу:
Небо, море, земля и человечесья молва.

[\[комментарий\]](#)

12. ПРОТЕСИЛАЮ

"Первый в народе" — мне было дано роковое прозвание:
Первым я из бойцов пал во фригийской войне,
Прянув без страха отважным прыжком на Сигейскую отмель,
Ибо коварной меня ложью оплел Лаэртид,
Тот, который на брошенный щит с корабля перепрыгнул,
Чтоб не коснуться ногой страшной троянской земли.
Что ж? не эту ли смерть для меня напророчили Судьбы
В час, когда отец имя младенцу давал?

[\[комментарий\]](#)

13. ДЕИФОБУ

Я, Деифоб, лаконской женой коварно обманут,
Выдан на смертную казнь, обезображен, убит
И без гробницы томлюсь; одна Деифобу гробница —
Зов, которым меня звали Эней и Марон.

[\[комментарий\]](#)

14. ГЕКТОРУ

Это — Гекторов холм, а с Гектором — целая Троя:
Вместе с тем, кто погиб, те, за кого он погиб.

[\[комментарий\]](#)

15. АСТИАНАКСУ

Лучший Азии цвет, последний в царственном роде,
Мал собой, но страшен отцом ахейскому войску,
Здесь я, Астианакс, низвергнут со Скейской твердыни.
Горе, увы! Илионской стены Нептуновы гребни
Нечто узрели страшней, чем влачимого Гектора тело!

[\[комментарий\]](#)

16. САРПЕДОНУ

Ликий царь Сарпедон, сын Юпитера, силою отчей
Чаяв достигнуть небес, здесь я в могиле лежу,
В токе кровавых слез: непреложны железные Судьбы,
И неутешно скорбит тот, кто бы мог помешать.

[\[комментарий\]](#)

17. НАСТУ И АМФИМАХУ

Наст и с ним Амфимах, Номионовы славные чада,
Сильные прежде вожди, ныне мы тени и прах.

[\[комментарий\]](#)

18. ТРОИЛУ

После того, как Гектор погиб, неравною силой
Я соступился, Троил, с буйным Ахиллом в бою.
Боги не помогли: я растерзан в бегу колесничном;
Но не в обиду, а в честь так мне погибнуть, как брат.

[\[комментарий\]](#)

19. ПОЛИДОРУ

Прочь от миртовых этих кустов, несведущий путник!
Мирты из дротов выросли, кровью моей политы.
Градом копий и стрел пронзен и ими засыпан,
Дважды я, Полидор, в эту гробницу сошел.
Знают благочестивый Эней и царь нечестивый:
Троей был я храним, Фракией был я казним.

[\[комментарий\]](#)

20. ЕВФЕМУ

Я — киконский Евфем, в троянской земле погребенный,
А над гробницей моей встал изваянием Марс.
Мало того, что резцом на плите начертано имя —
К чести надгробной моей тяжкий воздвигнут кумир.
Что из того! недолго стоят людские творенья —
Чем пышнее блеск, тем он скорее падет.

[\[комментарий\]](#)

21. ГИППОФОЮ И ПИЛЕЮ, погребенным в огороде

Здесь Гиппофой и Пилей в земное приняты лоно,
И над могилами их мальва с капустой растет.
Ни огород, ни сад не в тягость почившим прахам,
Если коренья нежны и бережлив садовод.

[\[комментарий\]](#)

22. ЭННОМУ И ХРОМИЮ

Хромий покоится здесь и Энном из мизийского царства:
Был их отцом Алкиной, пращуром был Океан.
Что им царственный род? Чем знатней, тем горестней павшим
В общей для мертвых земле этот могильный удел.

[\[комментарий\]](#)

23. ПРИАМУ

Я, Приам, покоюсь не здесь. Не мой перед вами
Гроб: под данайским мечом пала моя голова,
А безымянное тело, дождавшись себе погребенья,
Там легло, где лежит Гектор: где сын, там отец.
В том я кургане обрел и сына, и город, и царство, —
Все, чем был я богат, ныне зарыто со мной.

[\[комментарий\]](#)

24. ПРИАМУ же

Ищешь, где Приам? найди сначала, где Гектор:
Стал уделом отца сыну насыпанный холм.

[\[комментарий\]](#)

24а. [ГЕКТОРУ]

Гектор и Троя в одной покоятся общей могиле,
Ибо героя конец был и отчизне конец.

25. ГЕКУБЕ

Я — Димантова дочь, когда-то царица над Троей,
Я — Приама жена, славного Гектора мать,
Я, Гекуба, лежу под грудой казнящих каменьев,
Выместив злобу свою лютым своим языком.
Вы, прочитавшие здесь "Собачья гробница", узнайте:
Род, брак, сын, престол — все не спасет от судьбы.

[\[комментарий\]](#)

26. ПОЛИКСЕНЕ

Я на Ахиллов костер, троянка, легла Поликсена:
Лучше сгореть в огне, чем под землю лежать.
Вам ли, ахейским мужам, два несхожие смешивать праха?

Видно, любезнее вам не хоронить, а губить.

[\[комментарий\]](#)

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. АГАМЕМНОНУ

Братья-цари Агамемнон и Менелай были женаты на сестрах-царевнах Елене и Клитемнестре; одна из них стала причиной Троянской войны, другая — убийцей мужа, — благодарная тема для многих риторических упоминаний. [\[назад\]](#)

2. МЕНЕЛАЮ

На Элисейских полях (или островах блаженных) находили посмертный приют не все великие герои, а преимущественно сыновья или зятья богов: Пиндар (Олимп., 2) перечисляет Пелея, Кадма, Ахилла. Что такой удел ждал и Менелая, женатого на Елене, дочери Зевса, сказано еще в "Одиссее", IV, 561-569 (пророчество морского бога Протея Менелаю):

Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встретишь судьбы в многоконном
Аргосе;
Ты за пределы земли, на поля Элисейские будешь
Послан богами — туда, где живет Радаманф златовласый,
Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает,
Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным,
—
Ибо супруг ты Елены и зять громовержца Зевеса.
(Пер. В. А. Жуковского).

[\[назад\]](#)

3. АЯНТУ

Четверостишие из "Покрова", послужившее оригиналом Авсонию, принадлежит Асклепиаду Самосскому (III в. до н.э.) и вошло в "Палатинскую антологию", VII, 145;

последние две строки добавлены Авсонием. Аянт покончил с собой, когда оставшиеся после Ахилла доспехи, предназначенные "доблестнейшему", были присуждены Атридами (Агамемноном и Менелаем) и другими вождями хитроумному Одиссею. Из пролитой крови Аянта вырос цветок гиацинт, красные пятна на лепестках которого складываются в буквы **ΑΙ**, образующие скорбное восклицание и в то же время начало имени Аянта.

[\[назад\]](#)

4. АХИЛЛУ

Текст сильно поврежден; перевод сделан по условному восстановлению Ж. Б. Суше (XVIII в.). *Сигейский брег* — возле Трои, *Лариса* — город в Фессалии, на родине Ахилла; о перенесении туда его волос более нигде не упоминается. [\[назад\]](#)

6. ДИОМЕДУ

Этот герой под Троею ранил саму богиню Афродиту, за это она склонила к измене Диомедову жену, и по возвращении с войны Диомеду пришлось бежать от ее покушений в южную Италию; там он и умер, основав несколько городов. "Сильнейшим отца" называет его Гораций, "Оды", I, 15; о том, что он основал "город, названный им Аргириппой в честь города предков" (будто бы испорченное "Аргос-Гиппиос", "конный Аргос", *Арпы* — на самом деле другое название того же города), упоминает Вергилий, "Энеида", XI, 246, ср. 250. [\[назад\]](#)

7. АНТИЛОХУ

Это сын Нестора, ближайший друг Ахилла после смерти Патрокла; он погиб в одной из последних битв Троянской войны, заслонив от удара отца. Мотива "без Нестора грекам не взять Трои" нет ни в двестишии из "Покрова", переложеном Авсонием, ни во всей остальной мифологической традиции. [\[назад\]](#)

9. ПИРРУ

Пирр (Неоптолем), сын Ахилла, пришел под Трою только после его смерти; по всем мифологическим расчетам, ему не могло быть больше 18-20 лет. Он своей рукой убил царя Приама (*царские добыл доспехи*), а сам после возвращения из-под Трои погиб, поссорившись с Орестом из-за руки Гермiony, дочери Елены, которая была обещана и тому и другому. Его могилу показывают в Дельфах (считавшихся центром земли; в подлиннике — не "в малой ограде", а "в срединной ограде"). [\[назад\]](#)

10. ЕВРИАЛУ

По "Илиаде", II, 559-568, *Диомед*, Евриал и *Сфенел* совместно были предводителями аргосского войска под Троей. До этого они втроем же участвовали в походе Эпигонов против Фив. Авсоний опять отклоняется от мифологической традиции: из *Плевронского* (т.е. этолийского) царства родом был только Диомед, двое других делили с ним власть лишь над Аргосом. [\[назад\]](#)

11. ГУНЕЮ

Этот фессалийский правитель лишь мимоходом упоминается в "Илиаде", а поздние мифографы добавляют, что после Троянской войны он уплыл в Ливию; вероятно, к этому плаванью и приурочивает "Покров" и за ним Авсоний его смерть в море и памятную гробницу с именем, но без тела (кенотаф) на берегу. [\[назад\]](#)

12. ПРОТЕСИЛАЮ

Первые слова стихотворения — этимология его имени. Было предсказано, что первый из греков, ступивший на троянский (*Сигейский*) берег, обречен на гибель; хитрый Одиссей (*Лаэртид*) притворился, что выскакивает с корабля на берег первым, но ступил не на землю, а на брошенный перед собою щит. За ним на его призыв последовали другие греки во главе с Протесилаем; Одиссей остался невредим, а Протесилай погиб. [\[назад\]](#)

13. ДЕИФОБУ

После гибели троянского Париса мужем Елены стал его брат *Деифоб*; за это Менелай после взятия Трои отрубил ему руки, уши и нос, а потом убил. В "Энеиде" Вергилия *Марона* (VI, 494-534) Эней встречает его в царстве мертвых и рассказывает, как при известии о его смерти воздвиг ему кенотаф: "Холм над могилой пустой у прибрежий Ретейских воздвиг я, // Трижды к манам твоим над гробницей воззвал громогласно..." (VI, 505-506, пер. С. Ошерова). [\[назад\]](#)

14. ГЕКТОРУ

Сходный мотив — в анонимной эпиграмме "Палатинской антологии", VII, 139. [\[назад\]](#)

15. АСТИАНАКСУ

Этот сын-младенец Гектора упоминается в "Илиаде" в знаменитой сцене прощания Гектора с Андромахой (кн. VI); после взятия Трои греки, опасаясь в нем законного наследника Троянского царства, сбросили младенца с городской стены (строеной Нептуном). Троя названа *Скейской твердыней*, потому что название "Скейских ворот" города означает не только "западные", но и "зловещие". Напоминание о расправе

Ахилла над Гектором в последней строке — реминисценция из Сенеки, "Троянки", 784-785, плач Андромахи над Астианаксом: "Увидят стены зрелище ужаснее, // Чем Гекторова гибель!.." (пер. С. Ошерова). [\[назад\]](#)

16. САРПЕДОНУ

Гибель этого героя от руки Патрокла — одно из центральных событий XVI книги "Илиады": Зевс колеблется, не спасти ли сына от уготованной ему судьбы, а когда решается превозмочь отцовские чувства и не перечить судьбе, то он "росу кровавую с неба послал на троянскую землю, // Чествуя сына героя..." (XVI, 459-460). [\[назад\]](#)

17. НАСТУ И АМФИМАХУ

Ср. "Илиада", II, 867-875 (в перечне союзников Трои, рядом с Сарпедоном): "Настес вел говорящих наречием варварским каров... // Сих предводили на бой Амфимах и воинственный Настес, // Настес и тот Амфимах, Номионова отрасль, который // Даже и в битвы ходил, украшаяся золотом, как дева". Более они в античной мифологии не упоминаются. *Ныне мы тени и прах* — буквальная реминисценция из Горация, "Оды", IV, 7, 16. [\[назад\]](#)

18. ТРОИЛУ

Гектор был старшим сыном Приама, *Троил* — младшим; по некоторым версиям мифа. Троя была бы спасена, если бы Троил дожил до 20 лет, но *Ахилл* убил его раньше (подстерегши, когда тот выходил по воду за городские стены и т.п.). Однако ни самая ранняя, ни самая поздняя античная мифология такого образа Троила-подростка не знают: в "Илиаде", XXIV, 255, Приам перечисляет его среди погибших прежде Гектора своих сыновей-богатырей, а у "Дарета" (VI в. н.э.), 33, уже после гибели Гектора, "раненый конь споткнулся, уронил с себя Троила" и т.д. Для Авсония образцом был Вергилий ("Энеида", I, 474-478, описание храмовых картин о Троянской войне): "Троил, свой щит обронивший, // Отрок несчастный, бежит от неравного боя с Ахиллом, // Навзничь упал он, но мчат скакуны колесницу пустую..." [\[назад\]](#)

19. ПОЛИДОРУ

Когда Троя была близка к падению, Приам отправил своего сына Полидора к союзному фракийскому царю с троянской золотой казной, чтобы спасти ее и сына. Но после победы греков царь вероломно убил Полидора; на его могиле выросли мирты; и когда Эней, проезжая эти места, хотел наломать этих миртов, чтобы украсить алтарь для жертвоприношения, из веток потекла кровь и голос Полидора из-под земли рассказал ему о случившемся (Вергилий, "Энеида", III, 19-57). [\[назад\]](#)

20. ЕВФЕМУ

"Храбрый Евфем ополчал племена копьеборных киконов" ("Илиада", II, 846) — жителей Фракии, союзников Трои. Других упоминаний о нем в мифологии нет. [\[назад\]](#)

21. ГИППОФОЮ И ПИЛЕЮ, ПОГРЕБЕННЫМ В ОГОРОДЕ

Тоже союзники Трои, упоминаемые лишь в гомеровском перечне, "Илиада", II, 840-843: "Гиппофою предводил племена копьеборных пеласгов, // Тех, что в Ларисе бугристой, по тучным полям обитали: Гиппофою предводил их и Пилей, Ареева отрасль..." Почему с этими именами соединена "огородная" тема — загадочно. [\[назад\]](#)

22. ЭННОМУ И ХРОМИЮ

Тот же перечень, "Илиада", II, 858: "Мизам предшествовал Хромий и Энномос, птицегадатель..." [\[назад\]](#)

23. ПРИАМУ

Разработка знаменитой фразы Вергилия, завершающей описание убийства Приама Пирром ("Энеида", II, 557-558): "Лежит на бреге труп величавый: // Отделена от плеч голова, и без имени тело". "На бреге" под Троей располагались курганы павших героев — вероятно, отсюда необычная версия, что Приам был погребен в кургане Гектора. Обычно же считалось, что тело Приама осталось без погребения (намек на это — уже в его предвиденье в "Илиаде", XXII, 66-76). [\[назад\]](#)

24. ПРИАМУ ЖЕ

Разделение этой эпитафии на две — по Пайперу. [\[назад\]](#)

25. ГЕКУБЕ

Узнав о гибели своего сына Полидора (см выше, 19), Гекуба, вдова Приама, заманила убившего его фракийского царя в шатер, где она находилась с другими троянскими пленницами греков, и они его жестоко убили. Боги, негодуя, обратили ее в псицу с горящими глазами, греческие воины забросали псицу камнями, и выросший каменный холм еще в исторические времена носил название *Собачья гробница* — Киноссамат. [\[назад\]](#)

26. ПОЛИКСЕНЕ

В "Илиаде" эта дочь Приама не упоминается; в послегомеровском эпосе появляется рассказ о том, как после взятия Трои ее приносят в жертву на могиле Ахилла, чтобы этим обеспечить возвратный путь судам (так перед плаваньем на Трою была принесена в жертву Ифигения); еще позднее из этого развился миф о любви Ахилла к Поликсене и их соединении в загробном мире. [\[назад\]](#)

РАЗНЫЕ ЭПИТАФИИ

В рукописях они не отделены от предыдущего цикла, но Авсоний в предисловии о них не упоминает. По-видимому, они были присоединены к троянским эпитафиям уже после его смерти.

27. О НИОБЕ,

погребенной на горе Сипиле близ источника

Я, царица Фив, обидев богов-Летоидов,
Здесь, на Сипильском хребте, каменной встала скалой.
Дважды семью детьми гордясь в материнской гордыне,
Всем, кого родила, я и накликала смерть.
Мало и этого злым божествам: окована камнем,
Я потеряла навек свой человеческий вид.
Но и сквозь камень глухой томится прежнее горе —
И орощает скалу вечными токами слез.
Горький грех! Таково ль ненасытны небесные гневны?
Нет страданью конца, хоть и не стало лица.

[\[комментарий\]](#)

28. НА ГРОБНИЦУ КИНИКА ДИОГЕНА,

на которой вместо надписи изваян пес

Молви, пес, над кем ты стоишь? — Над псом. — Над которым?
Над Диогеном. — Он мертв? — Он отошел навсегда. —
Тот Диоген, чье именье — сума, обиталище — бочка,
Он отошел к теням? — Кербер его не пустил. —
Так; но куда же? — В выси, где львиный Сириус пышет,
Где Эригонин пес, там приобщился он к ним.

[\[комментарий\]](#)

29. НА ДИОГЕНА же

Сумка, палка, плащ, подстилка, миска и каша —
Но и такое добро в тягость для пса-мудреца.
Видя, как мальчик-пастух хлебал над ручьем из ладоней,
Крикнул он: "Миска, прощай! Ты для меня ни к чему".

30. НА НЕГО же

В царстве теней с тенью Креза-царя, богатейшего в мире,
Встретился пес-Диоген и говорит ему так:
"Ты лишился всего, а я ничего не лишился:
Гол я, но гол я и был; все, что имел я — при мне".
Царь в ответ: "Ты во всем, а я ни в чем не нуждался,
Как не нуждаюсь и здесь: чем же ты лучше меня?"

[\[комментарий\]](#)

31. НА ГРОБНИЦУ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Брызни на прах мой вином, умасти его сладостным нардом,
Чистый возлей бальзам, алые розы рассыпь!
Вечная здесь надо мной весна, неплачевная участь,
Это — новая жизнь, а не печальная смерть.
Помню ли я, что было со мной, или вовсе не помню, —
Радости жизни былой все остаются при мне.

[\[комментарий\]](#)

32. ОБ ИМЕНИ НЕКОЕГО ЛУЦИЯ, вырезанном на мраморе

Только одна блестит, меж двух начертана точек,
Буква, единственный знак имени мертвого: Л.
Дальше виднеется М, но не вся, а лишь малою частью:
Верх надгробной скалы трещиной пересечен.
И никому не узнать, кто лежит под именем этим:
Марий? Марций? Метелл? — надпись бессильна сказать.

Ибо разбиты лежат, исковеркавшись, бывшие буквы,
Перемешались черты, стали невняты слова.
Смертен всяк человек — не диво! И памятник смертен:
И для имен и камней тоже приходит конец.

[\[комментарий\]](#)

33. ОБ УДИВИТЕЛЬНОМ КОНЕ:

писано по государеву приказу

Конь Светоносец, который умел по шумному цирку
Семь пробежав кругов, первым заканчивать бег,
Ты сберегал свою прыть, пока торопились другие,
Чтобы потом обогнать всех, кто бежал впереди.
Ты умел упреждать четверню в колесной упряжке:
Лучшим меж лучшими быть — это великая честь.
Эта надпись тебе да будет посмертной утехой,
О быстроногий, в пути к райским крылатым коням.
Там Пегас и там Арион побегут с тобой о бок,
А из своих коней Кастор четвертого даст.

[\[комментарий\]](#)

34. О ПУСТОЙ ГРОБНИЦЕ КАРА

В заблаговременный срок для себя, для жены и потомков
Здесь воздвиг меня Кар, но не спешит умирать.
Долгие годы я праздной стою, но о том не печалюсь —
Пусть все в жизни идет должным своим чередом:
Пусть, прожив безгорестный век, во мне опочнет
Старший — прежде других, младшие — после него.

[\[комментарий\]](#)

35. НА ГРОБНИЦУ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕЙ МАТЕРИ СЕМЕЙСТВА

Все, чего люди хотят достичь за многие годы,
Меньше, чем в двадцать лет возымела Аниция наша:
Грудь сосала, девицей выросла, обрела себе мужа,
Плод понесла, родила и скончалась как мать семейства.
Кто посмеет роптать на судьбу? и кто не возропщет?

Старческий век она прожила в столь юные сроки.

[\[комментарий\]](#)

ПРИМЕЧАНИЯ.

27. О НИОБЕ, ПОГРЕБЕННОЙ НА ГОРЕ СИПИЛЕ БЛИЗ ИСТОЧНИКА

Ниоба, дочь Тантала, была родом из Малой Азии, где стоит гора Сипил, а замужем была за царем Фив, которому родила семь сыновей и семь дочерей. Возгордившись этим, она возомнила себя выше богини Лето (Латоны), и дети Лето Аполлон и Артемида (Летоиды) перебили ее детей из луков, а неутешно плачущую мать перенесли на Сипил и обратили в камень — классическое описание у Овидия, "Метаморфозы", VI, 146-312). *Таково ль ненасытны небесные гневь?* — цитата из "Энеиды", I, 11 (о Юноне, гонительнице Энея: одна из самых популярных фраз поэмы). [\[назад\]](#)

28. НА ГРОБНИЦУ КИНИКА ДИОГЕНА, НА КОТОРОЙ ВМЕСТО НАДПИСИ ИЗВАЯН ПЕС

Диоген (IV в. до н.э.) называл себя "киником", т.е. "собачьим" философом, потому что учил ничего не иметь, чтобы быть ни от кого не зависимым, жил нищим, ночевал в бочке и т.д. Здесь он сближается с двумя знаменитыми псами из мифологии: трехглавым Кербером, стерегущим врата подземного царства, и созвездием Большого Пса, в которое была обращена собака царевны Эригоны, воем открывшая ей место, где был зарыт ее убитый отец; самая яркая звезда Большого Пса называлась Сириус, и восход ее означал самую знойную пору лета (июль-август, под созвездием Льва). Образец Авсония — анонимная эпиграмма "Палатинской антологии", VII, 64, но образы мифологических псов добавлены самим Авсонием. [\[назад\]](#)

30. НА НЕГО ЖЕ

Здесь Диоген противопоставляется знаменитому богатством лидийскому царю Крезу (VI в. до н.э.); ср. "Усадьба", 12. Такие "разговоры в царстве мертвых" были популярны в кинической литературе (ср. подражания им у Лукиана). Греческие образцы — "Палатинская антология", XVI, 333 (ср. VII, 66) и IX, 145; ответа Креза в греческой эпиграмме нет, и С. Прете (вслед за Г. Яхманном) считает их даже не принадлежащими Авсонию. Тонкая игра синонимами "сгео" = не иметь и "егео" = нуждаться поневоле переведена лишь приблизительно. [\[назад\]](#)

31. НА ГРОБНИЦУ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

В последнем стихе реминисценция из жалобы Катулла на смерть брата (68, 23): "Радости жизни былой скончались вместе с тобою..." [\[назад\]](#)

32. ОБ ИМЕНИ НЕКОЕГО ЛУЦИЯ, ВЫРЕЗАННОМ НА МРАМОРЕ

В рукописях на местах букв Л и М — пробелы: видимо, в авсониевском подлинном тексте они впрямь были написаны "не все, а лишь малою частью". Мотив "и камни страдают от времени" знаком латинской поэзии еще со времен Лукреция (V, 306), Овидия ("Фасты", V, 131) и др. [\[назад\]](#)

33. ОБ УДИВИТЕЛЬНОМ КОНЕ: ПИСАНО ПО ГОСУДАРЕВУ ПРИКАЗУ

О коне Арионе и других см. "Благодарственная речь", примеч. к § 81. [\[назад\]](#)

34. О ПУСТОЙ ГРОБНИЦЕ КАРА

Образец (как обычно у Авсония, расширенный) — "Палатинская антология", VII, 228. Обычай заранее сооружать себе гробницу был широко распространен в древности; сохранилось много надписей (в том числе стихотворных) на плитах с этих гробниц. [\[назад\]](#)

35. НА ГРОБНИЦУ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕЙ МАТЕРИ СЕМЕЙСТВА

Здесь развивается мысль "Утешения к Ливии", жене Августа, на смерть ее сына Друза — стихотворения конца I в. до н.э., приписывавшегося Овидию (ст. 447-448): "Годы мои не считай: я прожил зрелые годы: // Лучше деянья сочти: старость приходит от дел". Древний, но малозаметный род Анициев рано принял христианство и поэтому в IV в. очень возвысился (и через сто лет после Авсония дал последнего римского философа Боэтия); покойница могла быть сродни Аницию Авхению Бассу, префекту Рима в 382 г. ("возродителем Анициева рода" называет его надпись) или более молодым братьям Аницию Гермогениану Олибрию и Анцию Пробину, консулам 395 г., адресатам панегирика Клавдиана. [\[назад\]](#)

Гаспаров М. Л.

АВСОНИЙ И ЕГО ВРЕМЯ

[с. 251] Авсоний — не знаменитое имя. Современный человек обычно знает из римской поэзии — кто по переводам, кто понаслышке — Вергилия, Горация, Овидия; во вторую очередь — лириков Катулла, Тибулла, Проперция, сатириков Марциала и Ювенала; до Авсония эти знания не доходят, о нем приходится наводить справки. Эти справки неизменно начинаются словами: «Поэт эпохи упадка Римской империи — IV в. н. э.»

«Поэт эпохи упадка» — это уже характеристика, задающая отношение к образу, о какой бы культуре ни говорилось. Во-первых, это отношение снисходительное: мы чувствуем себя наследниками всех эпох расцвета и мерим все иные эпохи не иначе, как этой меркой, — предполагается, что все поэты других эпох ощущали эту свою неполноценность и страдали от нее. Во-вторых, это отношение сочувственное: кто обречен на гибель, тот обычно вызывает сочувствие, а иногда даже кажется, что из своей переходной эпохи он мог не только видеть былой расцвет собственной культуры, но и угадывать черты будущих культур, то есть в конечном счете — нашей.

Авсоний с таким представлением о себе не смог бы согласиться. Для своей эпохи, для IV в. н. э., у него нет ни одного худого слова и ни одной худой мысли. Время расцвета римской культуры для него не кончалось: он и его современники принадлежат к ней в такой же мере, как Вергилий и Овидий. Конечно, Вергилий и Овидий были первостроителями. Но ведь дом строится не ради стройки, дом строится для того, чтобы в нем жить. И Авсоний сознает себя в этом доме законным и рачительным хозяином, поддерживает в нем блеск и время от времени по-новому переставляет мебель. Никакой приближающейся гибели он не чувствует и эпоху свою переходной не считает. Все окружающие его ценности — вечные. Не нужно тревожиться из-за того, что сосед может оказаться жаден или развратен, что при дворе случаются смуты, а на войне — поражения: воспитанный человек этого просто не замечает и тем более не отмечает в своих стихах. Не нужно и воображать, будто по ту сторону этого мира существует иной, ради которого следует отрешиться от этого. Конечно, о таком мире говорят и Пифагор, и Платон,

и святая церковь, и только памятуя о нем, можно правильно вести себя в жизни. Но все-таки жизнь свою мы живем в здешнем мире, его мы унаследовали прекрасным от наших отцов и таким же прекрасным должны оставить потомкам, а они нам скажут спасибо.

[с. 252] Чтобы понять и оценить такое мироощущение и те способы его выражения, которые находил Авсоний, нужно представить себе то время и ту среду, в которой он жил и работал.

1

Падение Римской империи — понятие растяжимое. Его относят и к религиозному кризису I в. н. э., когда явилось христианство, и к социальному кризису III в., когда рабство стало уступать место новым формам общественных отношений, и к национальному кризису V в., когда большая часть римского Запада оказалась заселена германцами. А конец его можно отнести и к XV в., когда пал Константинополь, и даже к XIX в., когда при Наполеоне перестала существовать Священная Римская империя, возрожденная когда-то Карлом Великим.

Но содержание понятия «падение Римской империи» вполне реально. Это действительно был самый большой исторический перелом в истории Европы. Она вступила в IV век городской цивилизацией античности, а вышла из VI века сельской цивилизацией средневековья. Это было главное; все остальное — и принятие Европой христианства, и подчинение варварскому владычеству, и то, что работники в полях стали считаться не рабами, а крепостными, — все это было лишь второстепенными подробностями. Важно было то, что путь развития, который нащупала для себя средиземноморская Европа на заре античности и по которому шла она тысячу лет, привел в тупик. Нужно было искать новый путь; а для этого нужно было сперва сделать несколько шагов назад, чтобы выйти из тупика. Эти несколько шагов и пришлись на три столетия — IV, V, VI века; они-то обычно и значатся в истории как «закат античной культуры».

Античность была городской цивилизацией, но античный город не был похож на современный. Это был не центр производства, а центр потребления. Производила деревня. Деревня могла обойтись без города, город без деревни не мог. В город селялись люди, достаточно имущие для того, чтобы не жить трудами рук своих, а пользоваться тем, что производила деревня, — руками рабов (все реже), арендаторов (все чаще) или свободных крестьян, неважно, — пользоваться со всем материальным и духовным комфортом городского общежития. Конечно, вокруг них и их челяди в городах скапливались во множестве и ремесленники и торговцы, но большинство городского населения жило праздну. Досуг ценился как высшее благо свободного человека: именно здесь он чувствовал себя носителем культуры,

физической и духовной. Физическую культуру в греческой половине империи представляли гимнасии (площадки спорта), в латинской — бани (клубы отдыха); духовную культуру — цирк и театр с их зрелищами, а для верхов — также и ученые светские разговоры и словесные упражнения. Авсоний был уроженцем и гражданином одного из таких городов — Бурдигалы в Галлии, нынешнего Бордо, — и любил его именно за это.

В классической античности такие города были самостоятельными и тратили силы на междоусобные войны. В поздней античности такие города стали ячейками больших государств, бравших с них налоги и поддерживавших в них и [с. 253] между ними мир. Последним и самым большим из этих государств была Римская империя. Пять с лишним тысяч городов были рассеяны по ее пространству (небольшие, не крупнее нынешнего районного городка), а центром их сети был Рим. Самые видные из них, числом два десятка (начиная Римом и кончая Бурдигалой), воспеты Авсонием в цикле стихотворений «О знаменитых городах». Средства таких городов тратились теперь не на междоусобицы, а на поддержание центральной власти и на прокорм нетрудового городского населения: в одном Риме бесплатные пайки получала десятая часть горожан. Имущим гражданам («куриалам», из которых составлялись городские советы — «курии») становилось все труднее сводить концы с концами; нужны были императорские указы, чтобы они не бросали городов и не удалялись в поместья или на государственную службу. На рост налогов деревня отвечала сокращением производства, на давление центральной власти провинции отвечали попытками отпадения. В III в. социально-экономический кризис перерос в политический: за 50 лет сменилось свыше 20 императоров (не считая провинциальных узурпаторов), почти все они погибли насильственной смертью. Из кризиса империю вывели в начале IV в. императоры Диоклетиан и затем Константин, полностью реорганизовав ее и этим продлив ее существование на 200 лет. На эту полосу временной стабилизации и приходится долгая жизнь Авсония. Она заполняет собой весь IV век, начинаясь в первом его десятилетии и кончаясь в последнем.

Поздняя Римская империя — государство с властью централизованной и сакрализованной. Император был самодержавен и считался священным: сам он носил титул «августа», соправитель (наследник) его — титул «цезаря», к нему обращались «ваша святость» и «ваша вечность», перед ним преклоняли колени, его церемониальный выход в диадеме и пурпуре обставлялся с театральной пышностью. Все службы, связанные с императором, назывались «священными». Двор императора образовывали его «спутники» — одновременно и «друзья», и чиновники, и слуги. Со звания такого «спутника» начинал свою неожиданную придворную карьеру и Авсоний. Избранные из этих «спутников» составляли императорский совет (консисторий), главным лицом в котором был «начальник ведомств», нечто вроде первого министра. Сами «ведомства» были организованы на военный лад, чиновники делились на «когорты», подробнейшая табель о рангах

различала чины «знатнейшие», «сиятельные», «почтеннейшие», «светлейшие», «совершенные» и «выдающиеся». Низшие кадры вербовались из грамотного простонародья, высшие — из сенатского сословия: сенат продолжал существовать параллельно ведомственному аппарату, реальной власти он не имел, но пользовался огромным традиционным почетом — звание консулов, годовых председателей сената, считалось пределом общественной карьеры, и мы увидим, как этим званием будет гордиться Авсоний. Содержание этого гражданского войска тяжелым бременем лежало на податном населении.

Империя делилась на четыре префектуры, префектуры — на диэцесы, диэцесы — на небольшие провинции; гражданские их наместники назывались префектами, викариями, пресидами и т. д., военные наместники — комитами и дуксами (будущие «графы» и «герцоги»). Авсонию пришлось побывать «префектом Галлий» — под его началом были и собственно Галлия, и Испания, и [с. 254][с. 255] Британия, а под началом его ближайших родственников — и северная Африка, и Иллирик. Город Рим управлялся особым «префектом Города»: среди занимавших эту должность были многие друзья Авсония. В провинциальных городах по-прежнему заседали курии (в стихах они иногда величаются «сенатами»), но лишь затем, чтобы куриалы круговой порукой обеспечивали поступление налогов. Северной границей империи были Рейн и Дунай, восточной — Евфрат и Сирийская пустыня, южной — Сахара, западной — океан. На всех границах она подвергалась натиску «варварских народов»: на Рейне — германцев, на Дунае — готов, на Евфрате — персов. Чтобы противостоять этому натиску, императоры обычно правили империей вдвоем: один — восточной половиной из Константинополя, другой — западной из Треверов (Трир) или Медиолана (Милан); Рим оставался «священным городом», куда император являлся лишь для праздников. Войско, пограничное и тыловое, достигало 600 тысяч, если не более; содержание его все больше истощало государство.

Единению империи служили не только материальные, но и духовные средства. Поздняя Римская империя была христианской. Вера городского простонародья восточного Средиземноморья стала верой императора и империи, из религии мучеников христианство превратилось в религию карьеристов. Христианство было удобно для императоров тремя особенностями. Во-первых, это была религия нетерпимости: этим она гораздо больше соответствовала духу императорского самодержавия, чем взаимотерпимые языческие религии. Во-вторых, это была религия проповедующая: этим она открывала больше возможностей воздействия на общество, чем другие, менее красноречивые. В-третьих, это была религия организованная: христианские общины поддерживали друг с другом связь, христианский клир складывался во все более отчетливую иерархию по городам, провинциям и диэцесам. Неудобством было то, что христиан было мало; но императорская поддержка решила дело, и к концу IV в. каждый добропорядочный гражданин считал себя христианином. Язычество держалось лишь в крестьянстве из-

за его отсталости и в сенатской знати из-за ее высокомерия; а попытки языческой реакции (при Юлиане Отступнике в 361—363 гг., при узурпаторе Евгении в 392—394 гг.) остались безрезультатны. Неудобством было и то, что христианство раскалывалось на секты, раздираемые догматическими спорами; но и здесь императорское вмешательство помогло — под его давлением была выработана компромиссная редакция символа веры («никейская»), утвердившаяся как «правоверная», — по крайней мере, на западе империи. Авсоний, конечно, христианин, но к религиозным спорам он глубоко равнодушен. К концу IV в. союз между империей и церковью уже был тверд, и епископы в городах были не менее прочной, а часто даже более прочной опорой, чем гражданские и военные наместники. Но разрастающийся церковный штат образовывал уже третью нетрудовую армию, давившую собою общество.

Это напряжение оказалось непосильным. В IV в. империя еще держится, в V в. она сломится, в VI в. остатки античной городской цивилизации будут ассимилированы складывающейся сельской цивилизацией средневековья. В IV в. границы еще крепки, и императоры справляют триумфы в честь пограничных [с. 256] побед. В 376 г. открывается перед готами дунайская граница, и они опустошают Балканский полуостров, а потом Италию; в 406 г. открывается рейнская граница, и франки, бургунды, вандалы, готы постепенно завладевают Галлией, Испанией, Африкой. В 410 г. Рим разграбят готы Алариха, в 455 г. — вандалы Гензериха. Военные силы империи очистят Запад, административная машина рухнет, церковь переключится на сотрудничество с германскими вождями. Римские императоры сделаются марионеточными фигурами в руках варварских военачальников и с 476 г. перестанут провозглашаться совсем. Константинопольские императоры в VI в. еще отобьют и воссоединят с империей Италию и северную Африку, но лишь на недолгие годы. После этого Западная Европа останется достоянием германских королей и латинских епископов: наступят «темные века» раннего средневековья.

Когда Авсоний умирал, до германских вторжений в Галлию оставалось каких-нибудь десять лет. Его внук сам их пережил и оставил о них скорбные воспоминания в стихах. Авсоний не думал о таком будущем. Более того, доживи он до этих лет, он мог бы не заметить готской оккупации Галлии точно так же, как при жизни своей не заметил готской оккупации Балкан. Даже если бы нашествие разорило его, ему бы пришлось лишь оживить в сознании другие заветы своей культуры — о довольстве малым, о независимости от мира и т. п. Культура у него была не в библиотеке на вилле, которую можно было разграбить, а в голове: он мог бы сказать, как древний мудрец: «все мое — при мне». Внук его не мог — потому что он не был, а Авсоний был человеком школы.

распадающегося общества, как и христианская церковь. Не всегда эти два средства сосуществовали мирно: то и дело церковь к школе и школа к церкви относились с подозрением и осуждением. Но главное дело римской школы было то же самое: она учила разнородное население империи общему образу жизни и общему образу мыслей. Конечно, влияние школы было уже: церковная проповедь обращалась к каждому человеку, будь то даже полуграмотный бедняк, школьные уроки захватывали лишь тех, у кого хватало средств и времени получить образование. Зато влияние школы было глубже: проповедь учила дорожить вечной жизнью, школа объясняла систему ценностей здешней, земной жизни — давала тот общий язык культуры, который необходим людям для взаимопонимания. Образование определялось принадлежность человека к высшему привилегированному слою общества: ученый-вольноотпущенник (таких было много) чувствовал себя выше главнокомандующего, выбившегося из неученых солдат, а потомок галлов ритор Авсоний — выше недоучки из чистокровных римлян.

Высшей ценностью в системе ценностей античной школы и античной культуры было слово; высшим умением — красноречие. Не раз в последующие [с. 257] века поздняя античная культура подвергалась жестокому осуждению за этот, как казалось потомкам, культ показного суесловия. Это осуждение несправедливо. Для грека и римлянина слово всегда было едино с мыслью, а мысль — с делом. Романтику, утверждающему, что «мысль изреченная есть ложь», античный человек ответил бы: если мысль не может найти точного выражения в ясном слове, значит, это — неясная мысль, то есть — плохая мысль. Если человек хорошо говорит — стало быть, он ясно мыслит; если человек ясно мыслит — стало быть, он правильно отличает добро от зла; хорошее слово есть даже более верный признак добродетельного человека, чем хорошее дело, потому что хорошему делу могут помешать обстоятельства, а хорошему слову не может помешать ничто.

Слово ценилось античностью потому, что оно позволяло человеку свободному и досужему полностью раскрыть свою общечеловеческую природу и в этом почувствовать свою связь с другими такими же членами общества. Поэтому именно вокруг словесности, вокруг слова как средства общения и взаимопонимания строилась вся образовательная программа античной школы. Никакие специальные знания в эту программу не входили — ведь специализация не сближает, а разобщает людей. Арифметика в начальной школе, история и география в средней, право и философия в высшей — все это входило в круг образования лишь теми начатками, которые были достаточны для повседневной жизни да для того, чтобы читать и понимать классическую литературу. Для всего остального — например, строительного искусства, медицины или углубленного изучения тех же философии и права — специальных школ не было, здесь каждый учился у кого хотел и как хотел.

Начальной школой была школа «литератора», средней — школа «грамматика»,

высшей — школа «ритора»: первая учила простой грамоте, вторая — пассивному владению словом, т. е. чтению авторов, третья — активному владению словом, т. е. сочинению речей и других словесных упражнений. Начальная школа была практически общедоступна, плата «литератору» была не больше, чем плотнику или каменщику (зато и уважения к нему было не больше); средняя школа была дороже вчетверо, высшая — впятеро, и здесь могли учиться лишь люди состоятельные, из семей не ниже куриальских. И чтение и сочинение практиковалось, по крайней мере, в идеале, и на греческом и на латинском языках: среди преподавателей Бордо, которым посвящал свои стихи Авсоний, мы находим и греческих и латинских грамматиков и риторов. Изучение греческого языка в латинской части империи уже приходило в упадок: в послании к внуку Авсоний признается, что ему редко доводилось перечитывать греческих поэтов, читанных на школьной скамье. Однако греческим языком он владеет и даже пишет на нем маленькие стихотворения.

Грамматическая школа имела уклон более научный, риторическая — более художественный. У грамматика занимались чтением и комментированием классических писателей, прежде всего — великой четверки: Вергилия, Теренция, Саллюстия, Цицерона; комментарии относились к языку, стилю, источникам, к реалиям мифологическим, историческим, географическим, бытовым, к морально-философскому истолкованию произведений: иногда они разрастались в [с. 258] обширные исследования. У ритора занимались, во-первых, теорией красноречия (учение о подаче материала и аргументации; учение о расположении материала во вступлении, изложении, обсуждении, заключении; учение о трех стилях речи и о трех средствах возвышения стиля — отборе слов, сочетании слов и фигурах слов; учение о запоминании и исполнении речи), во-вторых, разбором образцов для подражания (прежде всего, речей Цицерона) и, в-третьих, ораторскими упражнениями — «декламациями» на задаваемые темы (двенадцать видов подготовительных «прогимнасм» и два основных вида — совещательная «свазория» и судебная «контроверсия»). Грамматики и риторы относились друг к другу с некоторой ревностью, но в целом жили мирно и сознавали, что делают общее взаимодополняющее дело.

Вся эта программа словесного образования, и теоретического и практического, на первый взгляд кажется совершенно оторванной от жизни. Но это не так. В теоретическом плане они обеспечивали то единство (хотя бы на самом элементарном уровне) идейных взглядов и художественных вкусов, без которого невозможно никакое общество. И ученый богач, и полуграмотный обыватель одинаково чтили как образец красоты «Энеиду» Вергилия: один видел в ней впятеро больше, чем другой, но не отвергал ничего из того, что видел другой, а это очень важно. В практическом же плане риторическое образование было необходимо для государственной службы. Мы видели, каким бюрократическим аппаратом держалась империя; чтобы этот аппарат себя оправдывал, нужно было, чтобы и отчеты, поступающие снизу вверх, и директивы, поступающие сверху вниз,

были ясны и выразительны; а для этого нужно было, чтобы чиновники всех инстанций хорошо владели словом. Поэтому не приходится удивляться, что государственная власть относилась к школьному делу очень внимательно. Грамматики и риторы были освобождены от налогов и повинностей (это много значило), в каждом городе несколько школ содержалось на общественный счет, императорские чиновники следили не только за благонравием школяров, но и за их успехами, намечая лучших для государственной службы.

Отношение христианской церкви к римской школе было (казалось бы, неожиданно) терпимым. Христианство было религией Писания, церкви нужны были грамотные и образованные люди, сочинение проповедей требовало знания риторики, а все это давала школа. Конечно, тревожило то, что в школе читались языческие писатели и в каждой строке поминались языческие боги; но эти мифологические образы и для самих язычников давно уже стали лишь привычными декоративными фигурами — Юпитер, которого чтит философ и которому приносил жертву гражданин, имел мало общего с Юпитером, о чьих любовных похождениях рассказывал поэт. Христианство об этом помнило, и христианин IV в., сочиняя стихи, пользовался в них всем арсеналом мифологии с таким же легким сердцем, как христианин XVII в. Поэтому не нужно удивляться (как удивлялись романтически прямолинейные филологи прошлого), что Авсоний мог одинаково патетично писать и «Пасхальную молитву» и «Распятого Купидона». Разумеется, Авсоний был христианином, как всякий лояльный гражданин, однако не чувствовал никакой потребности [с. 259] [с. 260] каждое свое поэтическое высказывание сопровождать исповеданием символа веры.

Пока держалась империя, держалась и риторическая школа; а пока держалась риторическая школа, на нее опиралась вся литература этого времени и особенно — поэзия.

Стихотворство не входило в программу риторических упражнений: античность помнила, что «ораторами делаются, а поэтами рождаются». Но, конечно, в школьной обстановке культа слова любая попытка сочинять стихи могла только приветствоваться. Умение владеть стихом было такой же приметой образованного человека, как, скажем, умение писать письма; и поэтому поздняя античность оставила нам не только великое множество писем (отменно изящных и отменно бессодержательных), но и великое множество стихов. Большинство этих стихов анонимны. Над некоторыми сохранились имена авторов, но обычно они нам ничего не говорят. Но среди этих безымянных и безликих авторов, чьи произведения определяют в совокупности картину эпохи, для нас все же выделяются несколько фигур, которые нам хочется назвать личностями, — потому ли, что в их произведениях можно угадать индивидуальные сочетания тематических и стилистических вкусов и предпочтений, потому ли просто, что они прямо сообщают в стихах что-то о своей жизни и своем характере. В четырех поколениях между

серединой IV в. и началом VI в. таковы Авсоний, Клавдиан, Рутилий Намациан, Аполлинарий Сидоний, Драконтий, Боэтий. И среди них не только самый старший, но и едва ли не самый интересный — Авсоний.

3

Авсоний был порождением этой риторической школы и связал с нею всю свою жизнь. Ему выпала счастливая судьба: он прошел дорогу, открытую в римском обществе для ратора, от первых шагов до самых верхов. Это испытание счастьем он выдержал — карьера не изменила его характера, он настолько постоянен в своем душевном складе, что по его стихам часто невозможно определить, когда они написаны: в преподавательской молодости, на придворной службе или на покое в поместье. Он всюду сумел остаться верен своему благодушному образу.

Его жизнь мы знаем лучше, чем жизнь многих гораздо более значительных античных писателей. Это потому, что Авсоний много и охотно писал о самом себе и своих близких — как в стихах, так и в предисловиях и пояснениях к ним. Отчего возникла у него такая склонность, — это тоже очень любопытно; но об этом речь будет дальше.

Авсоний родился около 310 г. в Бурдигале (Бордо), в галльской провинции Аквитании. Отец и мать его были богатыми людьми, располагали наследственными поместьями, т. е. принадлежали к сословию куриалов; отец был членом курии даже не в одном, а в двух городах. По происхождению они были галлами, но Галлия давно романизировалась, даже крестьянство перешло с местного кельтского языка на латинский, а галльская знать давно уже приобщилась к [с. 261] греко-латинской культуре самого высокого качества. Гуманитарные интересы в семье Авсония сложились уже в предыдущих поколениях: отец поэта Юлий Авсоний был известным врачом, а дядя поэта по матери Эмилий Магн Арборий — преподавателем риторики с такой хорошей репутацией, что император Константин пригласил его из Галлии в Константинополь наставником своему сыну.

Окружение молодого Авсония описано им самим в двух больших циклах эпитафий — «О родных» и «О преподавателях Бурдигалы». Перед нами большая патриархальная семья с разветвленными родственными связями и развитая школа, в которой среди преподавателей были более и менее талантливые, более и менее удачливые, часто соперничающие, но обычно понимающие друг друга. Здесь Авсоний прошел все словесные науки и около 334 г. сам приступил к преподаванию — сперва грамматики, потом риторики. Ему приходилось выступать и практическим оратором (в суде), но по складу характера он решительно предпочитал камерную обстановку школьных занятий над тонкостями смысла классиков и фиктивными казусами риторических декламации.

Преподавание в Бурдигале продолжалось тридцать лет — с 334 по 364 г. Весь этот длинный промежуток Авсониевой жизни для нас почти пуст. В империи несколько раз менялась власть, смуты по этому поводу захлестывали и Галлию, на рейнской границе Юлиан (будущий император Юлиан Отступник) вел войны с германцами, но в школах Бурдигалы этим не интересовались. Круг общения Авсония в эти годы рисуется все теми же стихами «О преподавателях Бурдигалы»; быт его — стихами цикла «Круглый день». Правда, быт здесь не столько реальный, сколько идеальный: изображен только досуг, столь дорогой античному человеку, занятий нет, и мы даже не уверены, преподавал ли Авсоний в это время еще в школе в Бурдигале или уже во дворце в Треверах. Жену себе Авсоний взял в том же кругу провинциальной знати. Она родила ему троих детей, старший ребенок умер в младенчестве, а второй сын Гесперий и потом муж дочери Талассий стали самыми близкими Авсонию людьми до последних лет. Жена его скончалась молодой, лет через десять после свадьбы; потом Авсоний помянул ее одним из самых нежных стихотворений «О родных». В эти бурдигальские годы Авсоний начинает писать стихи: к этому времени относится стихотворение на смерть сына-первенца и, по-видимому, значительная часть эпиграмм (некоторые из них посвящены жене). Можно думать, что как образцы для школьных упражнений в это время было написано и большинство стихотворений, составивших потом сборник «Эклоги».

Авсонию было лет пятьдесят пять, когда судьба его круто изменилась. В 364 г. власть над Западом получил император Валентиниан I. Главной его заботой был отпор германцам на рейнской границе, главной резиденцией — Треверы (Трир) в северной Галлии на реке Мозелле. У Валентиниана рос сын и наследник Грациан; преподавательская слава Авсония уже разошлась по всей Галлии, и император пригласил его в Треверы воспитателем Грациана. Провинциальный словесник вдруг оказался при дворе, больше напоминавшем военный лагерь. Император «ненавидел всех хорошо одетых, образованных, богатых и знатных» (мрачно замечал историк Аммиан Марцеллин); найти с ним общий язык было нелегко. Авсоний это сумел: риторика научила его обращаться с [с. 262] людьми. Воспитателем он пробыл десять лет, Грациана обучил и грамматике и риторике, от императора получил придворный чин «спутника», от сената чин «квестора».

Как кажется, Валентиниан имел намерение поручить Авсонию и стихотворное прославление своих германских побед: в 368 г. он взял и Авсония и малолетнего Грациана сопровождать себя в зарейнском походе. Но Авсонию удалось убедить императора, что его призвание — не панегирики, а развлекательные стихи: в этой поездке он написал для забавы двора два изощренных стихотворения — ученый «Гриф о числе три» (по поводу вопроса, сколько чаш следует пить на пиру) и «Свадебный центон» с традиционно-непристойной концовкой, весь составленный из полустышей пристойнейшего из поэтов — Вергилия. Этим приемом он не только продемонстрировал свою эрудицию, но и уклонился от опасного соперничества с императором, который собирался и сам писать эпиграмм на ту же свадьбу. В

награду Авсоний получил из добычи германскую пленницу Биссулу, про которую написал несколько маленьких стихотворений; а возвращаясь из похода в Треверы (уже отдельно от двора), он описал свое плавание по Мозелю в большом стихотворении «Мозелла» — самом известном своем произведении.

В 375 г. Валентиниан умер, императором стал воспитанник Авсония Грациан. Ему было 16 лет, государственными делами он не интересовался, а увлекался охотой и верховой ездой. Но воспитание кончилось, начались награды. Из придворного развлекателя Авсоний сразу стал одним из первых лиц при дворе; его друзьями и адресатами посвящений его стихов делаются крупнейшие должностные лица в государстве — Флавий Сиагрий, Дрепаний Пакат, Григорий Прокул, Петроний Проб. К сожалению, все эти фигуры остаются для нас безликими, кроме, разве что, римского сенатора-оппозиционера Симмаха, лучшего прозаика своего времени. Сам Авсоний назначается префектом Галлии, его дряхлый отец — викарием Иллирика, зять — проконсулом Африки, сын — верховным наместником Италии, Иллирика и Африки, племянник — начальником императорских имуществ. В течение четырех лет половина империи фактически была уделом Авсониева семейства; к чести римского административного аппарата, она почти не почувствовала над собой этой дилетантской власти. Венцом Авсониева величия было звание консула — самое почетное (и самое безвластное) во всей имперской иерархии. 70-летний Авсоний получил его в 379 г., сочинил по этому случаю две или три молитвы в стихах, составил «Летопись» всех римских консулов от начала республики до собственного года и произнес «Благодарственную речь» императору Грациану, полную самых гиперболических славословий.

Несколько лет после этого он делит время между треверским двором и своими имениями в окрестностях Бурдигалы. В 383 г. при военном перевороте погибает император Грациан; после этого Авсоний окончательно удаляется на покой. Тщеславие его было удовлетворено с избытком, к интригам он вкуса не имел, со всеми поддерживал добрые отношения, неустанно благодарил в стихах судьбу за свою счастливую долю и смотрел на мир благодушными глазами по заслугам награжденного человека.

[с. 263] В своих аквитанских имениях (довольно скромных по тогдашним меркам) он живет дачником — городские заботы и сельское хозяйство для него одинаково докучны. Впервые в жизни обретя вожделенный досуг, он пишет очень много стихов. Он подводит итог прошлому в мемуарных циклах «О родных» и «О преподавателях», дорабатывает и дополняет свои старые эклоги и эпиграммы, сочиняет в том же духе давних школьных упражнений новые циклы: «Эпитафии героям Троянской войны», «О двенадцати цезарях» с продолжением, «О знаменитых городах», «Технопегнии», «Действо семи мудрецов». Он хозяйственно группирует старые и новые стихи в сборнички, снабжает их предисловиями и посвящениями, рассылает друзьям. О читателях он не думает, он пишет только для

своих знакомых, он — принципиальный дилетант. Но в античной рукописной культуре ничто интересное не может быть скрыто от публики: любопытствующие переписывают Авсониевы стихи у его друзей, дают переписывать своим друзьям, слава о них расходуется все шире, и наконец, сам император Феодосий побуждает Авсония в его уединении собрать и издать полный свод его стихов; и старый поэт охотно повинется.

Здесь, на покое у него намечается новый круг знакомых: соседи по аквитанским поместьям, которым он пишет стихотворные послания — самые живые из его поздних произведений. Это, главным образом, трое: Аксий Павел, тоже ритор и поэт-любитель; Феон, закоренелый сельский хозяин, над которым Авсоний добродушно подсмеивается; и, наконец, Понтий Павлин, молодой поэт, любимый ученик Авсония, вместе с ним когда-то служивший при Грациане. Этот Павлин принес старому учителю огорчение, омрачившее последние годы Авсония. Павлин был христианином нового склада — экстремистом: христианство означало для него переоценку всех традиционных ценностей, уход от мира, монашество, священнослужительство; после смерти он будет причтен к святым. Авсонию такой склад ума был совершенно непонятен: для него христианство венчало привычную культуру, а не отменяло ее. Когда Павлин уехал искать уединения из Аквитании в Испанию, Авсоний посылает ему вслед послание за посланием, одно другого трогательнее, и годами тщетно ждет ответа. Но связь между провинциями была трудна, письма не доходили до Павлина. Когда он, наконец, их получил, то ответил Авсонию пространном стихотворным же посланием с подробным исповеданием своего нового мирозерцания. Дошло ли это ответное послание до Авсония, мы не знаем. Около 394 г. старый ритор умер.

4

Авсоний пришел в поэзию на готовое. Он твердо знал: все, что можно сказать, уже сказано наилучшим образом поэтами-классиками, и теперь осталось только использовать их удачи, комбинировать их находки, доводить до предела их приемы. Поздняя культура античности, к которой он принадлежал, с редкой остротой чувствовала то, что поздняя культура нового времени назовет «чужим словом»: нет на свете слов, созданных только для данного предмета, все слова у поэта — уже побывавшие в употреблении. Но для Авсония это не трагедия (как [с. 264] было бы для поэта-романтика) и не привилегия (как было бы для поэта-эпигона) — для него это стимул к большой и ответственной работе. Пусть все жанры, в которых он работал, — несерьезные, пустяковые; но работал он в полную меру своих сил, небрежность его была притворной, и следы многочисленных переработок им своих стихов остались даже в дошедших до нас поздних копиях.

Пусть все слова поэта уже побывали в употреблении и сохранили следы прежних применений — не нужно стесняться этих следов, наоборот, нужно использовать их

так, чтобы и они работали на новую цель. Одно из самых прославленных (не лучшей славой) произведений Авсония — это «Свадебный центон» из полустуший Вергилия. Весь эффект его состоит в том, что смысл полустушия в новом контексте воспринимается на фоне смысла его в старом контексте. В начале, в описании пира, старые контексты чинно подпирают своим авторитетом новые контексты, а в конце, в описании дефлорации, они вступают с новыми в такой контраст, что читатель не знает, смеяться ему или негодовать. Было бы, конечно, лишь красивым преувеличением сказать, будто вся поэзия Авсония — это сплошной исполинский центон. Конечно, его стихи густо насыщены оборотами, заимствованными из поэтов-классиков (лишь самые заметные из них — в нашем комментарии), но не гуще, чем у других поздних латинских поэтов. Зато можно не сомневаться: если у другого поэта такая реминисценция могла быть случайной, невольной (в конце концов, круг словосочетаний, пригодных для такого-то места в стихе, всегда ограничен), то у Авсония, знавшего все строки Вергилия наперечет, случайность исключена. И если у него в «Круглом дне» хозяин будит сонного раба горацевскими стихами из высокой мифологической сцены, а в панегирической эпиграмме 29 о статуе Валентиниана II (брата Грациана) говорится вергилиевскими словами, сказанными о статуе Приапа, — то это, конечно, сознательный художественный расчет.

Комбинировать жанры прежних поэтов в новые сочетания Авсоний любил меньше. Соединение школьной афористики с драматической формой мы находим в «Действе семи мудрецов», соединение школьной дидактики с описательной поэзией — в «Знаменитых городах» (стихи о них написаны по книгам — сам Авсоний, мы знаем, всю жизнь не покидал Галлии), соединение описательной поэзии с панегириком (уже почти традиционное) — в «Мозелле». Такие жанровые эксперименты грозили увести на слишком новый путь, а Авсоний предпочитал старые. Зато доводить каждый из традиционных приемов до предела — к этому он был всегда готов. Решив написать стихи памяти родственников, он не останавливается, пока не перебирает их все до одного; то же и в стихах памяти преподавателей, то же и в эпитафиях героям Троянской войны, и в стихах о римских императорах и т. д. Такое тиражирование достигается тем, что Авсоний в каждом цикле берет за основу несколько устойчивых мотивов и соединяет их в разные сочетания: неповторимое соединение повторяющихся элементов каждый раз дает новый образ. Примеры этому мы скоро увидим.

Авсоний получил в наследство от предков богатый арсенал поэтических средств — и он чувствовал себя обязанным упражнять орудия этого арсенала на [с. 265] трудном, достойно сопротивляющемся материале. Он ищет его уверенно и настойчиво. Ярче всего это бросается в глаза в его экспериментах над стихом. Здесь его путь — гиперболизация приемов. У Гомера грамматики когда-то нашли случайную строчку, в которой первое слово было односложным, второе двусложным и так далее, до пятисложного. Им это показалось занятным, и они ее назвали «ропалической» — расширяющейся, «как палица». Авсоний написал

такими — очень трудными — ропалическими строчками целую стихотворную молитву, и сама скованность формы придала ей редкую напряженность и силу выражения. У Вергилия был гексаметрический стих о буре на море, для выразительности кончавшийся, вопреки правилам, односложным словом: «... вздыбилась вслед крутая гора вод». Авсоний написал такими строчками целую книгу стихов — «Технопегнии», «шутки ремесла». Здесь ни к какой выразительности и силе он не стремился, зато перебрал для концовок стиха едва ли не все мыслимые односложные существительные — их в латинском языке очень немного. Но эти броские эксперименты были не самыми интересными. Интереснее было, когда он пошел по такому же пути наибольшего сопротивления не в области стиха, а в области тематики.

Современный читатель удивляется обилию стихотворных пересказов малопоэтического материала у Авсония — таких, какие собраны в «Книге эклог»: «О сроке жизни всего живого», «О делении фунта», «О расчете своевременного деторождения», «Сколько дней в каждом месяце», «На какие числа месяцев приходятся ноны и иды», «Сколько дней между солнцестояниями и равноденствиями», «О двенадцати подвигах Геркулеса», «О четырех всегреческих играх», «Где они справлялись», «Кто их учредил», «Кто в них поминался»... Конечно, все они — школьного происхождения: их исток — простейшая форма всей дидактической поэзии, школьные «запоминательные стихи», дошедшие до XX в. в перечнях латинских исключений из правил или русских слов через «ять». Сочинялись они не для практического употребления — запомнить 12 месяцев просто так было, разумеется, легче, чем по стихам Авсония, — но художественный принцип здесь был общий. Однако любовь к ним Авсония объясняется не только нежной привязанностью к школьной работе. Просто Авсоний сумел разглядеть в этом самом убогом стихотворном жанре такие трудности, преодоление которых представляло художественный интерес для поэта, а для экспериментатора-поэта — тем более.

Дело в том, что в стихосложении не всякое слово можно уложить в стихотворную строку, так, слова, в которых один краткий слог лежит между двумя долгими, не могут улесться в античный гексаметр. Таково, например, было имя императора Домициана; именно поэтому Авсонию было интересно сочинить целых три стихотворения с перечислением двенадцати цезарей, чтобы ни разу не назвать в них Домициана по имени, а только описательно: «брат Тита», «лысый Нерон». В этом и была прелесть стихов-перечней для поэта-экспериментатора: в них нужно было во что бы то ни стало назвать то-то и то-то, что никак не ложилось или почти не ложилось в стих. В стихах на вольную тему это можно было обойти, заменив какой-нибудь мотив, а здесь — никак: пусть «дважды два четыре» очень неудобно сказать в стихе, но нельзя ради удобства [с. 266] сказать вместо этого «дважды два пять». (Вспомним авсониевское разложение числа 30 на слагаемые и сомножители в стихах об устрицах — «Послания», 15, 24—35). А чем труднее формальная задача,

тем лучше стихи, — эта истина была незыблемой для Авсония, как и для любого античного поэта.

И вот здесь-то, в поисках трудностей, и произошло главное открытие Авсония, резко отделившее его — по крайней мере, в глазах нового времени — от всех его соседей по поздней античности: он ввел в стихи автобиографический и бытовой материал. Что общего у его стихов о себе, о родных, об учителях и коллегах, о своем имени, о своем времяпровождении — с теми стихами-перечнями, о которых была речь? Только одно: и в тех и в других мотивы содержания были заданы во что бы то ни стало. Если Авсоний пишет о родственнике или друге, то он должен совершенно точно назвать и его имя, и степень родства, и общественное положение, и ступени карьеры; если он пишет о своем имени, то он не может произвольно изменить ни его названия, ни его площади, ни его разделения на пашню, луг и лес и т. д. Античность издавна ценила в «стихах на случай» умение точно и исчерпывающе сказать все, что относится к «случаю», и не сказать ничего больше. Именно таковы были эпиграммы первого классика этого жанра — Симонида Кеосского (V в. до н. э.): «Был Диофонт, сын Филона, победен на Истме и в Дельфах // В быстром беге, прыжке, диске, копье и борьбе» — и все («Палатинская антология», XVI, 3). Как трудно это давалось, виднее всего по периферийному поэтическому жанру — по эпитафиям: не тем, которые писались о вымышленных лицах и включались в антологии, а тем, которые вырезались на камнях над настоящими покойниками и должны были включать и имя, и возраст, и названия должностей. Неумелые сочинители вставляли эти сведения в традиционные формулы эпитафий механически, коверкая размер, а умелые выражались описательно, в обход стереотипов. Вот эта трудность, досадная для стиховых ремесленников, и привлекла внимание Авсония к домашней тематике наряду с дидактической тематикой заповинательных стихов.

В самом деле, легко видеть, что и «О родных», и «О преподавателях», и «Памяти отца» — это стихи, развивающие жанр эпитафии. От эпитафии — все основные мотивы в них. Так, в 30 стихотворениях «О родных» 26 раз упоминается, хотя бы сокращенно, имя усопшего (хотя оно и так полностью выписано в заглавии), 20 раз — его возраст при смерти, 12 раз — его профессия (фактически это сообщается о каждом взрослом мужчине, все остальные — это женщины и дети), 18 раз — черты его характера, 27 раз — доброе слово прощания. Самая трогательная часть стихотворения, концовка, — и та в половине случаев построена лишь по четырем стереотипным схемам: «пусть моя песня долетит к тебе» (стих. 3, 17, 19, 21, 30), «ты мне был ближе, чем значился по родству» (6, 25, 28), «ты, верно, на том свете сам знаешь, как мы тебя любим» (4, 8, 25, 29) и «узнай на том свете, что здесь у нас все благополучно» (9, 22). Все остальные мотивы стихов «О родных» проявляются в них лишь изредка и несистематично.

Новшество Авсония было только одно, но важное: он подает содержание своих

поминальных слов не так, как в эпитафиях, от третьего или от первого лица (разве что в эпицедии отцу), а от второго, в виде обращения к покойнику, и этим вносит лирическую, эмоциональную интонацию. Когда через полторы [с. 267] тысячи лет после Авсония в Европе наступило время романтизма и эпитафии перестали сочиняться, то комбинаторика мотивов в его стихах стала менее ощутима, а игра эмоций сохранила силу воздействия. Современники Авсония с их риторическим воспитанием, читая стихотворение Авсония «Памяти отца», могли следить и профессионально ценить, с какой точностью здесь перечисляются и род отца, и декурионская служба, и родственники, и их общественное положение, и прожитый возраст. А романтики с их антириторическим пафосом предпочитали смотреть, с какой теплотой, проникновенностью, сыновней приязнью рисуется здесь человеческий образ. Твердо постановив, что цель поэзии — «самовыражение», они радостно увидели в Авсонии автора, умеющего открыто и искренне писать о себе, о своей жизни, о своих впечатлениях и чувствах.

Отсюда любопытная двойственность в отношении ученых и критиков XIX в. к поэзии Авсония. Традиционную риторику XIX век романтически отвергал и позднюю латинскую поэзию считал «упадком». Но для Авсония он делал частичное исключение. Образ этого поэта двоился. С одной стороны, это оказывался первый поэт нового времени, первый «французский» поэт, первый «буржуазный» поэт, т. е. домашний, уютный и человеческий; с другой же стороны, ему вменялось в вину, что он слишком портил эти свои хорошие качества неумеренным пристрастием к пустым риторическим фокусам. Такое противопоставление «хорошего» и «плохого» Авсония — общее место во всех книгах о латинской литературе. Что на самом деле риторика была не порчей, а почвой для авсониевского «разговора о себе», столь дорогого для читателя живой теплотой интонации, а для историка богатством культурно-бытовых подробностей, — это стало понятно лишь в наши дни.

Пусть такое объяснение не покажется формалистичным. Конечно, в своем интересе к личному миру, личной жизни, личным чувствам Авсоний созвучен многим писателям своего века. Автобиографические речи писал его греческий сверстник ритор Либаний; «Исповедь» написал годившийся ему в сыновья Августин. Но для Либания это был результат размышлений о языческой Фортуне, направлявшей его жизнь извне, а для Августина — предстояние перед христианским Господом с внутренним ответом за свою обращенную душу. С автобиографичностью Авсония это несопоставимо. Когда внук Авсония Павлин из Пеллы неумело написал стихотворную автобиографию, он озаглавил ее «Благодарение» — «Евхаристик», — потому что вся его нелегкая жизнь здесь — лишь предмет Господней заботы. Представить себе такую автобиографию под пером Авсония-деда невозможно. Это не только разная жизнь, но и разное отношение к жизни.

Кроме семейной любви, у Авсония есть еще одна тема, которая показалась близка читателям нового времени. Это природа. Из всех сочинений Авсония в книгах по истории литературы выделяется для похвалы одно: «Мозелла», описательно-панегирическая поэма о реке Мозель в нынешней левобережной Германии. Конечно, здесь сыграли роль и внелитературные обстоятельства. Описанной [с. 268] оказалась река не южной, а центральной Европы, т. е. пейзаж, более знакомый и близкий французским и германским критикам: для большинства латинских читателей Мозель был северной экзотикой, для западноевропейских же читателей — знакомым бытом. Кроме того, начало поэмы напоминало критикам тот жанр, с которого начался европейский романтизм, — сентиментальное путешествие. (Хотя сходство здесь совершенно мнимое: о путешествии говорится только во вступительной части, а далее следует лишь как бы одномоментный монолог при выходе поэта на Мозеллу).

На самом деле и это — действительно превосходное — произведение целиком вырастает из риторической культуры Авсония. Только риторика выступает здесь не стимулом к освоению нового поэтического материала, а в более привычной своей роли — как средство организации материала уже имеющегося. Мы видели, что поэзия Авсония началась со школьных стихов-перечней: знаки зодиака, подвиги Геракла, общегреческие игры. Такие же перечни, перестроившись из малой поэтической формы в большую, стали основой «Мозеллы», а организация их материала переросла в организацию художественного мира всей поздней античной поэзии.

«Мозелла» — это поэма описаний и каталогов. Две основные части ее — это каталог рыб в Мозелле с их повадками и вкусовыми качествами (ст. 75—149) и описание вилл на Мозелле с их красотой и разнообразием (283—348). Эти две части соотносятся как картина природы и картина культуры: мы увидим, как это важно. На стыке этих двух частей помещены описания речных забав между нимфами («природа», 169—199) и речных состязаний между гребцами («культура», 200—239), каждое из этих описаний кончается образом зеркала воды, в котором все отражается (символ: природа и культура — двойники). Наконец, по краям этой двусторчатой конструкции пристроены еще два малых каталога: поселений на пути к Мозелле — в начале (1—22) и притоков Мозеллы — в конце (350—380).

Как строятся каталоги, включенные в эту поэму? Так же, как строились каталоги римских императоров и галльских риторов: из неповторимых сочетаний повторяющихся элементов. Например, в описании рыб можно выделить семь мотивов: (а) рыба на вид, в особенности — цвет; (б) рыба наощупь; (в) ее свойства — сила, быстрота и пр.; (г) образ жизни; (д) места обитания; (е) гастрономические качества; (ж) рыба с социальной точки зрения: кто ее ловит и кто ее ест. Вот как распределяются эти признаки по «героям» каталога. Первая половина списка: голован (е), форель (а), голец (б), умбра (в), карась (д, е), лосось (а, в, б, е, а),

минога (д, а, б). Вторая половина списка: окунь (е), щука (г, ж), линь, уклейка, плотва (ж), сарион (а), гольчак (б, а), сом (б, в, а). В каждой половине есть группа из 4 бегло упоминаемых и 3 подробно описываемых рыб, к которым в качестве концовки присоединяется 1 сверхподробно описываемая рыба: сом. В первой половине присутствуют только признаки (а, б, в, д, е); в начале второй — (е, ж); в конце второй — (а, б, в). Признаки (а, б, в, г, д) — «зоологические», признаки (е, ж) (вкусовые свойства, круг любителей) — «потребительские», они опять-таки соотносятся как «природа» и «культура»; и мы видим, как на протяжении перечня то те, то другие рассчитанно усиливаются. [с. 269]

Сходным образом построен и каталог притоков Мозеля (рыбы в Цельбисе — «природа», пильные мельницы на Эрубрисе — «культура» и т. д.), и общий каталог галльских рек в концовке поэмы. Немного осложняется этот контраст в начале поэмы, в каталоге попутных поселений. В кратком пересказе он выглядит так: «Я перешел реку Наву („природа“, П), посмотрел на стены Винка и место гибели римских войск („культура“, К) и иду дальше по пустынным местам без следа культуры (П + К). Прохожу через суходольный Думнис и многоводные Таберны (П) и через надель сарматских поселенцев выхожу к военному городу Нойомагу (К). В лесу сквозь ветки не было видно неба, а тут оно спокойно и ясно (П). Открывшийся вид напомнил мне родную Бурдигалу с ее культурой (К): дома на кручах, виноград на склонах и река внизу (К + П)». Таким образом, к образам «природы» и «культуры» добавляются образы «природы, включенной в культуру» — сперва на отрицательном, потом на положительном примере. Попутно на это чередование «природы» и «культуры» накладывается чередование взглядов вверх и взглядов вниз (стены Винка — поле с мертвецами; свод ветвей и небес — склоны круч от домов к реке).

Каталог мозельских вилл уже не чередует небольшие отрывки, посвященные «природе» и «культуре», а весь укладывается в трехчленность «природа» (283—297) — «культура» (298—317) — «природа, включенная в культуру» (318—348). Первая «природа» — это виды мозельской долины, открывающиеся из вилл; их мирная красота оттенена вставкой о древней вражде культуры с природой — гибель Леандра, мост Дария. Первая «культура» — это каталог великих зодчих, которые одни могли бы создать такие виллы (7 примеров, сперва три «техника», потом три храмоздателя). Наконец, «природа, включенная в культуру» — это собственно каталог вилл: сперва по местоположению каждой (тоже 7 примеров), потом по частям их строений (318—334 и 335—348). По местоположению чередуются виллы на холмах, виллы на склонах и виллы у реки (опять чередование взгляда вверх и взгляда вниз). По частям строений выделяются, во-первых, атрии, самая «городская» часть дома, и бани у реки, самая «природная» часть дома; здесь река охлаждает купальщиков, а по контрасту вспоминается курорт в итальянских Байях, где горячие источники служат, чтобы согреть купальщиков. «Всюду культура царит, не перерождаясь в роскошь» (348), — этим дополнительным мотивом

«чувства меры» заканчивается перечень.

Точно так же, как каталоги, построены в «Мозелле» и описания: река издали (23—47), река изблизи (48—74), игры нимф, игры гребцов, виноградари на берегах (150—168), рыболовы на берегах (240—282). Совмещение или тесное соседство «природы» и «культуры» обычно предлагается в начале или в конце каждого эпизода. Демонстрируется оно тремя разными способами. Во-первых, это простое приравнивание (речная галька — пестромраморный пол, горячие источники — отопляемые бани). Во-вторых, это параллелизм (отражение винограда в воде — отражение гребцов в воде). В-третьих, чаще всего — это случай, когда в одном предмете открываются две стороны, его природное происхождение и его человеческое употребление (рыбы с зоологической и гастрономической точки зрения; река, несущая корабли и вращающая мельницы; виноград; британский жемчуг и коралл). Описание игр гребцов вносит в описываемый [с. 270] мир еще два противопоставления: «действительность — игра» («труд уступает игре, разгоняет веселье заботу») и «действительность — отражение» (гребцы при гребле забавляются собственным искаженным отражением в воде). Описание виноградарей добавляет противопоставление «работник — зритель». А описание рыболовов включает противопоставление «жизнь — смерть» (описание умирающей рыбы, оказавшейся вместо воды в воздухе) и завершается картиной возможной перемены ролей (рыбак, бросившись за рыбой, оказывается вместо воздуха в воде; подкрепление этому — миф о Главке Анфедонском).

Так во всех основных частях «Мозеллы» повторяются одни и те же контрастные мотивы. Их общим смысловым знаменателем оказывается противоположность «природа — культура»; этой паре соответствует пара «божественное — человеческое» (божества здесь — преимущественно стихийные, нимфы и сатиры), а ей, понятным образом, «жизнь — смерть». «Природа» расчленяется на «верх — низ» (с некоторыми дальнейшими дроблениями, например, «сухой — водный»); «культура» — на «действительность — игра»; «действительность» — на «деятель — зритель»; «деятель» — на «техник — зодчий». Вся эта картина охватывается противопоставлением «действительность — отражение», сопровождается противопоставлением «чувство меры — чрезмерность» и подается через противопоставление «общий план» — «крупный план» (знаменитый образец такого «крупного плана» — описание подводных водорослей, песка и камешков меж движущихся струек, 59—67). А итогом ее и завершением является возможность «перемены ролей». С помощью этого набора противоположностей оказывается возможным дифференцировать, по существу, любой состав перечисляемых или описываемых предметов, а в этом расчленении мира для подробного и систематического его описания — основная цель риторики.

Чем вызвано такое выдвижение центральной противоположности «природа — культура»? Общеизвестным фактом — антропоцентризмом античного отношения к

природе. Античный человек еще слишком чувствовал свою зависимость от природы, чтобы смотреть на нее со стороны и отвлеченно любоваться бурным морем или горными вершинами. Он представлял себе пейзаж только с людьми и ценил в нем только то, что доставляет удовольствие человеку: мягкую траву, душистые цветы, тенистые деревья, легкий ветерок, непременно ручей или речка, иногда — пение птиц. Из этого сложился устойчивый стереотип «приятной местности», повторяющийся по многим эпиграммам и идиллиям от александрийских времен вплоть до XVII—XVIII вв. Все поэты, повторявшие этот стереотип, действовали, конечно, бессознательно. Но авсониевский век, чувствуя себя наследником необъятного множества поэтических приемов всей прошлой литературы, подходил к этому уже — трезвее и рационалистичнее. Выделить из множества любимых античностью антитез одну и построить на ней целую большую поэму — это было как раз в духе тех упражнений с гипертрофией отдельных приемов, какие мы видели у Авсония. И, как и в других своих упражнениях, он привносит в «Мозеллу» личный мотив. Заканчивать стихи упоминанием о себе, их авторе, было давним приемом (вспомним знаменитый «Памятник» Горация). Авсоний развил его, внося не только свой автопортрет в конец поэмы («Я, Авсоний, который...»), но и речь от первого лица в начале («Я переправился...») [с. 271] и несколько упоминаний о родной Бурдигале на Гарумне по ходу рассказа. Так личность Авсония становится как бы узлом поэтической географии «Мозеллы»: именем и будущим консульством он римлянин, родом — аквитанский галл из Бурдигалы, а придворной службой — житель императорских Треверов на Мозелле.

Исходная поэтика «приятной местности» объясняет нам некоторые любопытные пробелы в художественном мире «Мозеллы». Такова сравнительная ограниченность пространства — взгляд вверх и вниз не сопровождается взглядом вдаль, здесь нет ни «концов земли» («от эфиопов до гипербореев...»), ни небесных планет и созвездий; очень слабо намечено время — видимо, «приятная местность» ощущалась как мгновение, изъятое из течения времени; отсутствует тема судьбы и случая, столь частая у римских поэтов во всяком контексте. Удивительнее то, как мало здесь украшающей мифологии, отнюдь не противопоказанной «приятной местности»: по-видимому, эта свобода от мифологической перегрузки тоже была одной из причин успеха «Мозеллы» у читателей XIX в. Еще удивительнее отсутствие любви — мотива, тесно связанного с мотивами «приятной местности»: образ Леандра мимоходен, а женщины вообще отсутствуют в «Мозелле», если не считать сравнения с девочкой перед няниным зеркалом да наяд, шалящих с сатирами. Это уже предмет для домыслов о «личной» поэтике Авсония.

При такой исходной установке можно только удивляться, как Авсонию удалось вместить меньше, чем в 500 строк такое обилие подробностей большого мира. Здесь присутствуют высшие боги — Венера и Вакх, и низшие боги — нимфы и сатиры. Мироздание представлено небом, водой и сушей; небо — сменой утра, дня и вечера; суша — горами (пять названий), холмами, лесами, полями; вода — морем,

реками большими (Рейн), средними (Мозелла; выбор «средней реки» в героини поэмы — характерная черта античного «чувства меры»), малыми (притоки Мозеллы), озерами, ручьями, источниками. Животный мир — только рыбы, но мы видели их разнообразие. Человеческая жизнь — детство в образе девочки с зеркалом, юность гребцов, зрелость правителей и судей, старость самого поэта. Смерть — это рыба на берегу, любовь — Леандр в Геллеспонте. Людской труд — пашни и нивы, виноградарство, рыбная ловля, ткачество (в метафоре), кузницы (в сравнении), путник и пловец (на веслах или бечевой). Общественная организация описана в обещании поэмы о Треверах: вельможи, ораторы, законоведы, консулы, император. Военный быт — пограничные укрепления и поселения, давнее поражение и недавняя победа, потешная морская битва у Аверна. Мирный быт — городской в Бурдигале и сельский в виллах на Мозелле; из искусств упоминается зодчество и, конечно, поэзия; отдых и развлечения — у простонародья состязания гребцов, у обладателей вилл — бани с купальнями, у столичных жителей — Байи и прочие курорты. Историческая перспектива — время императоров, правивших в Риме, время Вергилия и Варрона, время Катонов, Александрия, Парфенон, поход Дария, гомеровское время, а затем уже мифологическая древность. Географическая перспектива — в центре и подробнее всего, конечно, Галлия, к ней примыкают Германия и Британия (с ее каледонским жемчугом), дальше — Рим, Кампания с Кумами и Байями, [с. 272] Сицилия, в Греции — Афины и полумифический Анфедон, за Геллеспонтом и Боспором — Эфес, Смирна, родина Гомера, и Симоент, воспетая им троянская тека, а за морем — Египет, трижды упомянутый край чудес.

Иногда говорится, что великие поэты отличаются от малых тем, что у великих даже небольшое произведение вмещает картину большого мира. Это не так: на это способны и малые поэты, когда у них в руках надежный набор рабочих приемов. Авсоний вместил свою широкую и структурно четкую картину мира в скромную похвалу не слишком большой реке; средства для этого ему дала античная риторика.

6

И все-таки Авсоний — «поэт эпохи упадка». Античный цикл европейской культуры кончался, а поэтику нового, средневекового цикла создавали не такие поэты, как Авсоний, а такие, как Понтий Павлин. Античная светская культура должна была занять свое место в архиве общественного сознания и ждать, когда ее востребуют для употребления вновь. Сознательно или бессознательно она как бы готовилась к этой своей судьбе и (по удачному выражению одного филолога) упаковывала свои ценности так, чтобы их удобнее было хранить. Как Солин в III в. превращал в компендиум «Естественную историю» Плиния, а Марциан Капелла в V в. — свод семи благородных наук, а Исидор Сивильский в VII в. — всю энциклопедию античных знаний, так Авсоний в своем IV в. составлял компендиум античных поэтических ценностей.

Авсоний не замечал тех начатков новой, средневековой культуры, которые для нас в большей мере определяют лицо латинского IV в., чем его собственные сочинения. Вряд ли для него существовал Амвросий Медиоланский, не говоря уже об Иерониме и Августине. Это можно считать близорукостью, но это была близорукость культуры, которая сознает себя, дорожит своей цельностью и поэтому не переступает своих границ. Зато внутри этих границ ей становится дороже каждая мелочь, и она бережно ведет им учет и вставляет их в новые оправы. Этим и занимался Авсоний. Ничего трагического в этом своем труде он не чувствовал: он не сомневался, что за ним придут другие Авсонии, которым пригодятся плоды его работы. И они действительно пришли: немногочисленные в средние века, многочисленные в эпоху Возрождения и классицизма. Мы знаем: когда наступает конец света, то одни бросаются в загул, другие в молитву, а третьи продолжают делать свое дело, как будто ничего не случилось. Авсоний был из числа последних. Сейчас, когда культура вчерашней новоевропейской эпохи заканчивает свой очередной цикл развития, а культура завтрашней эпохи еще не наметилась, может быть вновь интересно и поучительно оглянуться на душевный и творческий опыт Авсония.
